

© 2012 г. Е.А. ГРИШИНА

УКАЗАНИЯ РУКОЙ КАК СИСТЕМА (по данным Мультимедийного русского корпуса)*

В статье на материале Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) описывается система русских указательных жестов. Основное внимание уделяется описанию базовых указательных жестов – указанию пальцем и рукой (открытой ладонью). На основе статистической обработки корпусного материала определяются основные лингвистические (референциальные и прагматические) факторы, влияющие на выбор жеста говорящим.

ВВЕДЕНИЕ

Совершенствование технических средств фиксации и анализа устной речи, а также бурное развитие корпусной лингвистики в начале XXI в. привели к тому, что исследование невербальных компонентов устной речи, прежде всего жестикуляции, вышло на совершенно новый уровень, ранее недостижимый. С одной стороны, удешевление звуко- и видеозаписывающей аппаратуры, кратное повышение быстродействия и объемов памяти вычислительной техники и развитие программного обеспечения, предназначенного для анализа устной речи с самых разных точек зрения (это, прежде всего, программы Speech Analyzer, ELAN, ANVIL, PRAAT), теперь позволяют проводить соответствующие исследования не только большим коллективам ученых при поддержке государства, но и маленьким группам и даже отдельным ученым на средства фондов, университетов и научных институтов. Это способствует активному вовлечению в изучение устной речи большого количества исследователей, в том числе и молодых. С другой стороны, развитие корпусной лингвистики, прежде всего массовое создание мультимедийных корпусов, позволяет исследовать невербальные компоненты устной речи на систематической основе, т.е. переходить от отдельных, сколь угодно интересных и многообещающих, но спорадических наблюдений над жестикуляцией, к ее системному изучению.

В России, к сожалению, изучение жестикуляции до сих пор расценивается как область, интересная скорее для психологов, а не для лингвистов. Как следствие, при изучении устной речи сопровождающий ее жестикуляционный ряд просто выводится из рассмотрения и практически не воспринимается как один из источников сведений о том, какие именно лингвистические процессы и события происходят в данном отрезке устного высказывания. Современная русская жестикуляционная лингвистика исчерпывается блестящими, но одиночными работами Г.Е. Крейдлина (см. [Григорьева и др. 2001; Крейдлин 2002; 2005]), в то время как в ряде западных университетов изучение базовых основ жестикуляционного поведения человека входит в обязательный курс для студентов-филологов, проводятся регулярные летние школы по жестикуляции, в результате лингвист уже в самом начале профессиональной карьеры приучен использовать жестикуляционные данные и обладает базовыми навыками чтения жестикуляционного

* Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика», программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», а также грантов РФФИ № 10-06-00151 и № 11-06-00030.

ряда. В России же те или иные жестикуляционные данные все еще рассматриваются как экзотический побочный продукт изучения устной речи, притом что на самом деле сопровождающие речь жесты являются надежнейшим средством анализа семантических, синтаксических, грамматических характеристик высказывания, – не менее, а иногда и более наглядным, доступным и доказательным, чем, например, фонетические или интонационные данные.

Для того чтобы как-то развернуть сложившуюся ситуацию в нужное русло, в рамках Национального корпуса русского языка [НКРЯ] был создан Мультимедийный русский корпус (МУРКО; см. работу [Гришина 2009], а также инструкцию на странице МУРКО). МУРКО построен на принципах выравнивания словесного ряда и соответствующего ему аудио- и видеоряда. Таким образом, пользователь может найти в МУРКО любое интересующее его слово или конструкцию и прослушать / просмотреть, как именно найденный элемент произносится (с фонетической и интонационной точки зрения) и какой жестикуляционный ряд его сопровождает. МУРКО в основном состоит из кинематографического материала, но включает также и «естественную» русскую речь¹. В этой статье мы будем использовать данные, полученные из МУРКО. Статья ставит перед собой задачу не только исследовать русскую дейктическую жестикуляцию, но и привлечь внимание лингвистов к Мультимедийному русскому корпусу как к новому источнику в высшей степени полезных лингвистических данных. На момент написания статьи МУРКО включал 261 фильм (около 100 тысяч видеоклипов), что позволило автору анализировать материал не только с содержательной, но и со статистической точки зрения. Последнее дает нам возможность формулировать некоторые общие закономерности и правила в использовании указательных жестов.

Статья строится следующим образом. В разделе 1 «Общие замечания» приводятся данные об указательных жестах, объясняются основные термины и понятия, излагается методика рассмотрения материала и ставятся конкретные задачи исследования. В разделе 2 «Указания пальцем и открытой ладонью» рассматриваются основные референциальные, прагматические и социологические факторы, влияющие на конфигурацию указывающей руки, в разделе 3 «Компоненты значения указательного жеста» и в Заключение подводятся итоги исследования.

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.1. Типы указательных жестов и типы указаний

Прототипическим **указательным жестом** традиционно считается коммуникативное (т. е. предназначенное для передачи информации) движение того или иного органа человеческого тела, обозначающее некоторый вектор, исходной точкой которого является точка местонахождения говорящего² (субъекта указания); этот вектор обозначает направление к объекту указания, точку его расположения и сам объект указания; указательный жест производится в интересах слушающего, т. е. направлен на привлечение его внимания; см. [Kita 2003: 1]. Классическими указательными жестами являются указания рукой (пальцем, открытой ладонью (open hand)); кроме того, для указания человек использует движения глаз и движения головы (указания подбородком, боковым кивком головы, поворотом головы; в ряде культур зафиксированы указания губами; ср.,

¹ Мы не намерены в этой статье обсуждать достоверность кинематографической жестикуляции и ее соотношение с реальной повседневной жестикуляцией. Поскольку все наши работы, выполненные на материале МУРКО до настоящего момента, показывали вполне разумные статистические распределения и смысловые закономерности в кинематографическом жестикуляционном поведении, у нас нет оснований сомневаться в достоверности полученных данных: с нашей точки зрения, актерская жестикуляция отличается от повседневной не своим составом и закономерностями, а большей артикуляционной прозрачностью и меньшей редукцией жестового поведения.

² В дальнейшем под говорящим мы будем иметь в виду лицо, осуществляющее жест, даже в том случае, если жест не сопровождается звучащей речью.

в частности [Enfield 2001]). По нашим данным, в русской системе указательных жестов движения головы и глаз передают гораздо более обобщенную информацию, чем движения рук, а выбор того или иного движения головы диктуется, по-видимому, существенно более элементарной системой правил, чем выбор того или иного движения и конфигурации руки. Поэтому предметом рассмотрения в данной работе будут только ручные указательные жесты.

Ввиду прозрачности семантики и бросающейся в глаза коммуникативной однозначности указательные жесты очень неплохо изучены с филогенетической (противопоставление человек – примат³), онтогенетической (противопоставление взрослый – ребенок⁴) и межкультурной (противопоставление европейская культура – иные культуры⁵) точек зрения. Во всяком случае, если остальные жесты, сопровождающие речь, только становятся предметом систематического изучения и описания⁶, то инвентарь и основные функции указательных жестов, казалось бы, уже хорошо известны. Корпусной подход к изучению указательных жестов показал, однако, что выбор между указанием пальцем и открытой ладонью, с одной стороны, и выбор ориентации ладони в указательном жесте, с другой, по-видимому, далеко не случайны и тесно связаны с референциальными и прагматическими характеристиками сопровождающей указательный жест речи. Чрезвычайно показательна в этом отношении прорывная работа [Kendon, Versante 2003], в которой были проанализированы закономерности использования разных видов ручных указательных жестов в неаполитанском диалекте итальянского языка. Это исследование показало, во-первых, что корпусной подход к исследованию жестов, в том числе и указательных, позволяет ставить и решать проблемы, которые раньше можно было исследовать лишь с помощью инсайта (самоотождествления с жестикулирующим субъектом), а во-вторых, что анализ дейктической жестикуляции (как, впрочем, и анализ жестикуляции в целом) представляет собой не только и не столько психологическую, сколько лингвистическую проблему.

Имея в виду вышесказанное, мы предполагаем в данной статье рассмотреть на корпусном материале инвентарь русских ручных указательных жестов и показать, что выбор того или иного варианта ручного указания диктуется в значительной степени лингвистическими причинами.

В статье 1996 г., которая была опубликована в 2003 г. [Clark 2003], Герберт Кларк разделил указательные жесты на две большие группы: 'направление' (directing-on) и 'размещение' (placing-for). Жесты первого типа стандартно считаются прототипическими (иногда единственными) типами указания: говорящий, совершая акт directing-on, привлекает внимание слушающего к объекту указания. Однако, пишет Г. Кларк, когда покупатель кладет на прилавок магазина выбранные им покупки, он не указывает на них продавцу, но при этом продавец прекрасно понимает, что именно эти предметы покупатель собирается купить. Таким образом, и здесь совершается акт указания, однако субъект указания не указывает при этом на объекты в обычном смысле, а р а с п о л а г а е т их в специально отведенном для покупок месте. Когда некто совершает указательный жест типа directing-on, он создает объект указания, указывая на место его расположения. Когда некто совершает указательный жест типа placing-for, он пользуется тем,

³ См. [Povinelli, Davis 1994; Povinelli et al. 2003] и библиографию при статьях.

⁴ См. [Bates 1987; Lock et al. 1990; Butterworth 1995; Petitto 1997; Butterworth 2003; Goldin-Meadow, Butcher 2003; Masataka 2003] и библиографию при статьях.

⁵ См. [Saitz, Cervenka 1972; Sherzer 1973; Kendon 1988; Haviland 1993; Ruiters, Wilkins 1998; Havil 2003] и др.

⁶ См. обзор соответствующей литературы в [Гришина 2009], где с этой точки зрения были проанализированы работы, представленные на международной конференции по электронным лингвистическим ресурсам LREC'2008. Как показало время, роль мультимедийных корпусов в изучении устной речи и коммуникации в целом только возрастает: конференция LREC'2010, помимо основной программы, связанной с мультимедийными корпусами, включала два специальных научных семинара на эту тему, а что касается конференции LREC'2012, то мультимедийные лингвистические ресурсы и вовсе объявлены ее основной темой; см. [LREC 2008; 2010; 2012].

что окружающее пространство является анизоморфным и анизотропным, т. е. размечено с культурной и гносеологической точки зрения, и осуществляет указание, размещая соответствующий объект в месте, предназначенном для указания на объекты данного класса [Clark 2003: 249]. Таким образом, тип placing-for использует в качестве средства привлечения внимания специально предназначенные для указаний топосы. Этот тип указания выводит нас из области лингвистики в область семиотики цивилизационного пространства⁷, и, как таковой, далее нами учитываться не будет.

Существует, однако, еще один тип указательных жестов, который, насколько нам известно, не рассматривается в литературе как самостоятельный, однако при анализе стандартных указательных жестов типа directing-on все время в явном или неявном виде учитывается. Условимся называть этот тип указательных жестов касаниями⁸. Несколько примеров:

(1)

Речевой ряд	<i>А про это</i>	<i>я сообщу куда следует.</i>
Жестовый ряд	постукивает пальцем по перевязанной руке собеседника	

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

(2)

Речевой ряд	<i>Этот элегантный движитель</i>	<i>дорог тем, что он самый экономичный во всем моем производстве.</i>
Жестовый ряд	кладет ладонь на модель паровоза	

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

(3)

Речевой ряд	<i>Есть холодное пиво.</i>	<i>Устроит?</i>
Жестовый ряд	поднимает кружку с пивом	

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

(4)

Речевой ряд	<i>– Принес?</i>	<i>– Вот.</i>
Жестовый ряд		показывает конфету

А. Рогожкин. Операция «С Новым Годом!», 1996

Примеры (1)–(4) иллюстрируют разные типы касаний: постукивание пальцем (1), касание ладонью (2), демонстрацию (3), предъявление (4). Все эти касания выступают как обычные указательные жесты типа directing-on – они привлекают внимание адресата к объекту указания точно так же, как и классические указательные жесты. Принципиальное различие между обычными указательными жестами и касаниями заключается в том, что при касаниях рука субъекта указания имеет в ы н у ж д е н н у ю конфигурацию, а именно зависит от размера и формы объекта указания, а также от расположения объекта указания относительно субъекта указания. Что касается классических указательных жестов, то выбор конфигурации здесь свободен (под свободой выбора понимается свобода от диктата внешних материальных обстоятельств, притом что лингвистическая и, шире, семиотическая свобода выбора конфигурации указующей руки, как мы надеемся показать ниже, весьма ограничена).

⁷ Аналогией этому типу указаний может послужить идея Блаженного Августина о том, что «Бог говорит языком вещей; вещи составляют 'второй язык'» (цит. по [Махов 2011: 51]).

⁸ Единственная известная нам работа, классифицирующая касания, – это статья [Poggi et al. 2004]. В ней, однако, рассматриваются типы касаний одушевленного лица, но не затрагиваются типы касаний неодушевленных предметов.

Есть основания полагать, что классические указательные жесты и касания связаны между собой, так сказать, «этимологически», т. е. что первые произошли от вторых: в работе [Masataka 2003] продемонстрировано, что указание указательным пальцем восходит к желанию ребенка прикоснуться к заинтересовавшему его объекту, ткнуть его пальцем или поскрести его, и лишь в тот момент, когда у ребенка возникает потребность поделиться с матерью эмоциями, вызванными заинтересовавшим его предметом, вытянутый вперед указательный палец превращается в указательный жест. Но с синхронической точки зрения в жестовой системе (все сказанное касается только русской жестовой системы, хотя автор полагает, что это своего рода универсалия) классические указательные жесты и касания сосуществуют. Это сосуществование приводит к указательным ситуациям, которые проиллюстрированы в примерах (5)–(6), где на один и тот же объект указывает и классическое указание, и касание, что, собственно, и демонстрирует взаимную независимость этих двух систем с синхронической точки зрения:

(5)

Речевой ряд	– <i>Пионерский сбор?</i> <i>А на какую же тему?</i>	– <i>Вот.</i>	<i>Карбюратор изучаем.</i>
Жестовый ряд		поднимает правую руку с карбюратором (демонстрация)	левая рука делает указательный жест на карбюратор открытой ладонью вверх

А. Митта и др. Друг мой, Колька!, 1961

(6)

Речевой ряд	<i>Это вот</i>	<i>пароходный дилижанс.</i>	<i>Или сухопутный пароход.</i>
Жестовый ряд	кладет левую руку на модель паровоза (касание)	правая рука делает указательный жест на модель паровоза открытой косо́й ладонью	левая рука продолжает лежать на модели паровоза, правая рука повторяет предыдущий указательный жест

Я. Лапшин и др. Приваловские миллионы, 1972

Таким образом, система жестов (если оставить в стороне жесты типа placing-for) состоит из двух самостоятельных, но этимологически связанных подсистем – конкретной (касания) и абстрактной (классические указательные жесты)⁹.

1.2. Касание как основа метафорического переноса

Абстракция, лежащая в основе классического указательного жеста, основана на метафоре, которая имеет своим базисом тот или иной тип касания.

1.2.1. 'Ладонь вверх'¹⁰

Как было показано в работе [Müller 2004] (написанной существенно раньше даты публикации) и подтверждено работами [Kendon, Versante 2003; Kendon 2004], указательные жесты открытой ладонью, развернутой вверх, основаны на одной и той же

⁹ В современной литературе по жестикуляции принято разделение на конкретные и абстрактные указательные жесты, восходящее к работе [McNeill et al. 1993], однако они различаются по иному принципу: конкретными считаются те, которые указывают на материальный объект, абстрактными – те, которые указывают на абстрактное понятие. Как ясно из предшествующего изложения, с нашей точки зрения, оба этих типа являются абстрактными указательными жестами, а в качестве конкретных указательных жестов мы рассматриваем только касания.

¹⁰ Далее рассматриваются только жесты, не содержащие компонента 'многократное движение в запястье'.

метафоре, связанной с касанием: такая ладонь символизирует руку, в которой может что-то лежать. Далее эта метафора, в зависимости от лингвистического и ситуационного контекста, может развиваться в разных направлениях. Чрезвычайно важным для данного семейства жестов, как и для семейств, перечисленных ниже, является следующий параметр: производится жест внутри коммуникативного пространства (т. е. в зоне жестикуляции между говорящим и слушающим) или направлен вне коммуникативной зоны.

По данному критерию семейство жестов 'ладонь вверх' делится на три крупных подсемейства.

I. Жестикуляция производится внутри зоны коммуникации, т.е. жест направлен на собеседника.

А. Сценарий 'давать'.

1) Если в ладони находится материальный объект, то имеем дело с дожестовым утилитарным движением 'давать кому-л. что-л.'.

2) Если предмет в ладони нематериален, то имеем дело с метафорой 'в ладони как будто что-то находится' и, соответственно, с жестом.

2.1) Жест изображает сам процесс 'давать', т. е. говорящий изображает факт передачи чего-либо кому-либо.

2.2) Говорящий передает слушающему информацию (жесты со значением 'аргумент', 'назидание' – аргумент с элементом поучения):

(7)

Речевой ряд	– Ты что, с ума сошел?	– Но она меня куда-то зовет, что-то случилось.
Жестовый ряд		ладонь, развернутая вверх, делает движение в сторону собеседника

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

Б. Сценарий 'просить'.

1) Ладонь пуста, говорящий просит в нее положить что-то материальное (жесты со значением 'просьба', 'требование').

2) Ладонь пуста, говорящий как бы просит в нее положить что-то нематериальное: – жесты со значением 'вопрос' (просьба дать информацию, пример (8))

(8)

Речевой ряд	-- Сереж! – А?	– Ну чего ж теперь делать-то?
Жестовый ряд		комбинированная ладонь ¹¹ протянута к собеседнику

А. Митта и др. Друг мой, Колька!, 1961

– 'побуждение' (просьба совершить действие, пример (9))

(9)

Речевой ряд	Виноват человек,	так скажите в чем!
Жестовый ряд		ладонь, развернутая вверх, делает быстрое движение к собеседнику

А. Митта и др. Друг мой, Колька!, 1961

– 'призыв к порядку' (просьба прекратить действие, пример (10))

(10)

Речевой ряд	На голову не лей!
Жестовый ряд	ладонь, развернутая вверх, движется к собеседнику

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

¹¹ См. ниже, раздел 1.5, рис. 14.

– ‘привлечение внимания’ (просьба обратить внимание, пример (11))

(11)

Речевой ряд	<i>– В доставке помощь не требуется?</i>	<i>– Товарищ! Товарищ!</i>	<i>Не берите случайных людей! Наш магазин вам доставит, установит.</i>
Жестовый ряд		ладонь, развернутая вверх, протянута к собеседнику	

Л. Кулиджанов, Н. Фигуровский. Когда деревья были большими, 1961

– ‘критические замечания’ или ‘возмущение’ (просьба дать объяснение чему-либо дурному, пример (12))

(12)

Речевой ряд	<i>– Ты что, с ума сошел?</i>	<i>– Но она меня куда-то зовет, что-то случилось.</i>
Жестовый ряд	ладонь, развернутая вверх, делает движение в сторону собеседника	

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

II. Жестикуляция производится посредством вывода рук / руки из зоны коммуникации.

В. Сценарий ‘не иметь’.

Открытая развернутая кверху ладонь в этом случае сочетается с выводом руки / рук из коммуникативного пространства и обозначает отсутствие у говорящего каких бы то ни было средств и инструментов для того, чтобы справиться с ситуацией (жест ‘развести руками’, ‘отвести руку в сторону’ с общим значением ‘беспомощность’).

(13)

Речевой ряд	<i>Да разве в этом государстве возможно что-нибудь?</i>
Жестовый ряд	говорящий разводит руки в стороны, ладони ориентированы вверх

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

III. Жест направлен вне зоны коммуникации.

Указательный жест, с помощью которого говорящий дает возможность слушающему увидеть некоторый объект, как бы расположив его в своей ладони.

1.2.2. ‘Ладонь вниз’

Значение жестов, включающих в себя в качестве элемента ладонь, обращенную вниз, возводится к касанию ‘положить руку на кого-л. / что-л.’

I. Жест направлен вне зоны коммуникации.

В случае если ладонь метафорически кладется на некоторый неодушевленный объект, по определению находящийся вне зоны коммуникации, ладонь, обращенная вниз, задает некоторую плоскость, расположенную под ладонью; см. примеры (14)–(15):

(14)

Речевой ряд	<i>Мы льстим себя надеждой, что если к этому наброску именно вы приложите хоть частицу своего тонкого ума</i>	<i>и высокого</i>	<i>таланта.</i>
Жестовый ряд		левая рука поднимается вверх, ладонь ориентирована вниз; значение ‘задать уровень’	

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

(15)

Речевой ряд	<i>Местом операции под кодовым названием «Дичь»</i>
Жестовый ряд	правая рука делает горизонтальный круг над планом, лежащим на столе; ладонь обращена вниз; значение 'указать на плоский объект' ¹² , расположенный под жестикулирующей рукой'

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

II. Жест направлен на собеседника.

В случае если ладонь метафорически кладется на собеседника, ладонь, обращенная вниз, передаст значение 'остановить кого-л.', 'привлечь чье-л. внимание', 'призвать к порядку', 'заставить выслушать', 'подавить чью-л. волю' и т. п. (ср. [Kendon 2004: ch. 13]), примеры (16)–(18):

(16)

Речевой ряд	<i>Ну-ка стой так!</i>	<i>О!</i>
Жестовый ряд		ладонь обращена вниз; пальцы направлены на собеседника

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

(17)

Речевой ряд	<i>– Еще один шаг – стреляю!</i>	<i>– Стыдитесь, Родик!</i>
Жестовый ряд		ладонь обращена вниз; пальцы направлены на собеседника

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

(18)

Речевой ряд	<i>Одну минуточку!</i>	<i>Мне не все ясно.</i>
Жестовый ряд	ладонь обращена вниз; пальцы направлены на собеседника	

А. Митта и др. Друг мой, Колька!, 1961

Очевидно, что значения жестов, включающих компонент 'ладонь вниз', связаны между собой: в обоих случаях жест метафорически восходит к касанию 'положить руку на что-л.'. Но если в случае неодушевленного объекта это приводит лишь к фиксации его верхней плоскости под нижней плоскостью ладони или к указанию на эту плоскость, то в случае одушевленного объекта предполагается, что, положив руку на собеседника, говорящий тем самым прекращает самостоятельное функционирование и движение собеседника и как бы подчиняет его своей воле, т. е. этот жест, будучи адресован собеседнику, имеет иллокутивную силу императива; в случае же, если он обращен на неодушевленный объект, жест выполняет дейктическую функцию.

1.2.3. 'Ладонь вертикально'

Жестикуляционный компонент 'ладонь вертикально' характеризуется несамостоятельностью. Он либо совпадает по значению с жестами семейства 'ладонь вверх' (осуществляя их, так сказать, в редуцированном, «недопровернутом» вверх варианте), либо для выражения смысла должен сочетаться с каким-либо движением (например, движением кисти, которое, напомним, мы в этой статье не рассматриваем, – жест 'махнуть рукой', 'отмахнуться' в разных значениях; либо определенным движением в пространстве, например, движением снизу вверх, которое задает жест 'вскинуть руку' в разных значениях). Но раз для передачи смысла ориентация ладони должна обязательно сочетаться с каким-либо движением, то в качестве смыслообразующего компонента жеста

¹²В значительном количестве случаев компонент 'ладонь вниз' в аналогичных употреблениях сопровождается горизонтальным движением ладони, которое задает размер указываемой плоскости, однако такое движение не является обязательным.

следует рассматривать именно движение, а не ориентацию ладони – последняя в этом случае выполняет служебные, подчиненные функции. Активным образом ориентация ладони ‘вертикально’ используется в указательных жестах (‘показать рукой / пальцем’), а также в разного рода изобразительных жестах (например, в жестах, включающих в себя рубящее движение вертикальной ладонью сверху вниз, или в жестах, где вертикально ориентированные ладони, обращенные друг к другу, изображают стенки контейнера, размер чего-либо и т. п.). Таким образом, вертикальная ориентация ладони в указательных жестах, судя по нашим данным, в отличие от ориентации ладони вверх и вниз, не опирается на какой-то четкий класс неуказательных жестов, и это, как покажет дальнейшее изложение, будет иметь существенное значение для описания системы русских указательных жестов.

1.2.4. ‘Указательный палец’¹³

Семейство жестов ‘указательный палец’ возводится к касанию, которое можно назвать ‘фиксацией точки в континууме’: прикосновение к объекту кончиком указательного пальца, во-первых, приравнивает этот объект, вне зависимости от его размеров, к точке, а во-вторых, вычленяет этот объект из какого-либо континуума (пространственного, временного, предметного, событийного, смыслового). При этом, однако, ‘фиксация точки в континууме’ может происходить двумя способами: а) нейтральным, который не включает в себя активного движения указательного пальца вперед, и б) агрессивным, когда палец фиксирует некоторую точку в континууме, не касаясь, а пронзая се.

Как и семейства жестов ‘ладонь вверх / вниз’, семейство жестов ‘указательный палец’ делится на две большие группы в зависимости от того, куда указательный палец направлен.

I. Жест направлен вне зоны коммуникации.

В случае если указательный палец направлен вне зоны коммуникации, он выполняет функции классического указательного жеста, а также имеет значения, которые в конечном счете восходят к указанию:

(19)

Речевой ряд	– <i>Сегодня ваша жизнь</i>	<i>как и весь наш проект, уже принадлежат... – Российской империи!</i>
Жестовый ряд	указательный палец поднят вверх в значении ‘назидание’, как бы указывая на нечто объективно важное ¹⁴	

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

Аналогичную этимологию имеет этот же жест в значении ‘призыв к порядку’ (указание на то, что ‘я сейчас сказал тебе нечто важное, прислушайся’):

¹³ Как и в случае ориентации ладони, мы рассматриваем семейство жестов ‘указательный палец’, исключая из него жесты, сочетающие указание пальцем с движением (например, ‘качать пальцем’ в значении угрозы, запрета или назидания). Однако из рассмотрения выводятся только такие жесты указательным пальцем, где двигается сам палец. Если палец движется вместе с кистью, то мы считаем, что относительно кисти палец остается неподвижным, и рассматриваем такие жесты как принадлежащие к семейству ‘указательный палец’. Тем самым, в случае если палец неподвижен относительно кисти, в наше рассмотрение включаются и так называемые характеризующие жесты (см. [Крейдли 2007: 322]), в которых дейктический компонент значения принадлежит пальцу, а движения кисти передают некоторые дополнительные характеристики объекта указания, например, траекторию его движения (см. об этом также [Kendon, Versante 2003: 112–113]).

¹⁴ Объективно важное обычно расположено вверху, ср. [Calbris 2008].

(20)

Речевой ряд	- Федя! Дичь! – Дичь!	- Тсс!
Жестовый ряд		говорящий поднимает палец вверх, призывая слушающего к порядку

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

II. Жест направлен на собеседника.

В случае если указательный палец направлен на собеседника, важным является разделение на нейтральную и агрессивную фиксацию объекта. В случае **нейтральной** фиксации указание пальцем, направленное на собеседника, выполняет референциальную привязку речи к данному слушающему:

(21)

Речевой ряд	А мы	хорошо с вами сделали,	что выбрали именно эту арию.
Жестовый ряд		указательный палец направлен на слушающего	

А. Ивановский и др. Антон Иванович сердится, 1941

В таких случаях, как и в случаях, когда говорящий указывает на себя, указательная функция жеста отходит на второй план, а на первый план выходят иные свойства указательного жеста (коммуникативные и прагматические¹⁵).

В случае **агрессивной** фиксации (т. е. в случае сочетания указания пальцем с активным движением этого пальца в сторону собеседника) этот жест «сопутствует агрессивным речевым актам, таким как обвинение, упрек, попрек, то есть актам, в которых адресат рассматривается как виновник в наступлении негативных событий. Кроме того, жест пальцем указывает на лицо или объект в бесцеремонных императивных актах приказа, команды, требования, в выражении модальности долженствования» [Крейдлиן 2007: 325].

(22)

Речевой ряд	Злоупотребляете спиртным, молодой человек!	У вас остеомалация!
Жестовый ряд		говорящий тычет пальцем в собеседника

А. Рогожкин. Операция «С Новым Годом!», 1996

Агрессивный жест ‘показать пальцем на собеседника’, ‘ткнуть пальцем в собеседника’ может не иметь пейоративного оттенка, однако он в любом случае сохраняет значение императивности, требования. Это, в частности, послужило основой специфической жестикуляционной фразы, сопровождающей речь. В полном варианте эта жестикуляционная фраза содержит указание пальцем на некоторый объект, находящийся вне коммуникативного пространства, которое затем сменяется указанием пальцем на собеседника (в императивном значении ‘посмотри, обрати внимание’), а затем указательный палец возвращается обратно на исходный объект. Здесь используются оба значения указания пальцем – собственно указание и императивная иллокуция.

(23)

Речевой ряд	Вот!	Признали свою	вину!
Жестовый ряд	направляет указательный палец на третье лицо	переводит указательный палец на собеседника	снова указывает указательным пальцем на третье лицо
Расшифровка	фиксация объекта	‘обрати внимание’	‘на этот объект’

А. Рогожкин. Операция «С Новым Годом!», 1996

¹⁵ Указание на говорящего выполняет не функцию привлечения внимания слушающего к говорящему, поскольку говорящий по самому своему центральному положению в акте речи уже и так находится в зоне внимания собеседника, а проясняет референтную нагрузку, коммуникативную структуру и иллокутивную силу высказывания.

(24)

Речевой ряд	[Вытирает мороженое с лица, смеется]	Хороший мальчик...
Жестовый ряд	направляет указательный палец на собеседника	переводит указательный палец на третье лицо
Расшифровка	‘обрати внимание’	‘на этот объект’

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

(25)

Речевой ряд	Да он это!	Он! Он самый!
Жестовый ряд	направляет указательный палец на собеседника	переводит указательный палец на третье лицо
расшифровка	‘обрати внимание’	‘на этот объект’

Л. Кулиджанов, Н. Фигуровский. Когда деревья были большими, 1961

В приведенных примерах указание пальцем в значении ‘обрати внимание’ восходит к агрессивному, императивному указанию на собеседника, а указание пальцем на объект, находящийся вне зоны коммуникации, выполняет функции классического указательного жеста.

Итак, если оставить в стороне жесты, включающие в себя компонент ‘ладонь вертикально’, которые, по-видимому, не имеют постоянного самостоятельного значения (если не считать изобразительного), то остальные три группы жестов образуют, согласно нашим данным, следующую систему (см. табл. 1).

Таблица 1

Семейство жестов	1 Тип касания		2 Жест направлен на собеседника		3 Жест направлен вне зоны коммуникации
	ладонь вверх	ладонь вниз	указательный палец		
	держат что-л. в руке	положить руку на что-л./кого-л.	сценарий ‘просить’ (просьба, вопрос и производные) сценарий ‘давать’ (аргумент и производные)	императивный сценарий ‘стоп!’ (остановись!, подожди!, обрати на меня внимание! и производные)	указательный жест
	фиксация точки в континууме	нейтральная агрессивная	референциальная привязка высказывания к собеседнику	пейоративный и императивный сценарий (обрати на меня внимание! и производные)	указательный жест

Основными вопросами, на которые мы попытались найти ответы в нашей статье, являются следующие.

- 1) Свободен ли указательный жест (столбец 3 табл. 1) от соответствующего прагматического компонента (столбец 2 табл. 1)? Точнее: в случае если жестикулирующая рука покидает зону коммуникации и показывает на нечто третье, не участвующее в данном коммуникативном акте, теряет ли указательный жест иллюкутивный компонент значения, имевшийся у этого жеста в н у т р и зоны ком-

муникации? Или иллюкутивный компонент постоянно сопровождает указательный жест?

- 2) Сохраняет ли абстрактный указательный жест (столбец 3) связь с лежащим в его основе типом касания (столбец 1)?

Мы считаем (разумеется, несколько не настаивая на единственности нашей точки зрения), что указательный жест сохраняет соответствующий прагматический компонент и в том случае, если он направлен не на адресата, а на объект вне зоны коммуникации. Кроме того, мы полагаем, что в указательном жесте сохраняется также апелляция к соответствующему типу касания.

При этом мы хотим подчеркнуть, что на выбор той или иной конфигурации указующей руки в данном конкретном случае одновременно влияет несколько факторов, которые могут как действовать разнонаправленно, так и создавать кумулятивный эффект, накладываясь друг на друга. Именно поэтому проявиться жестикуляционные предпочтения могут только статистически: невозможно найти ситуацию (коммуникативную или лингвистическую), о которой можно точно сказать, что в ней возможен только такой указующий жест, и никакой другой. В каждой конкретной ситуации можно только высказать предположение, какой жест здесь окажется более предпочтительным.

Таким образом, общая схема, по которой будет рассматриваться русская дейктическая жестикуляция в настоящей работе, состоит

- 1) в выделении параметров, по которым дейктические жесты будут анализироваться (референциальные, прагматические и социологические);
- 2) в приведении и статистическом анализе материала, зафиксированного по тем или иным жестам в Мультимедийном русском корпусе;
- 3) в высказывании гипотез, объясняющих (с нашей точки зрения) обнаруженные статистические предпочтения.

В результате в нашей статье мы предоставим читателю статистические данные и свои объяснения этих статистических данных. Разумеется, читатель вправе как перепроверить данные по корпусу, так и предложить им совершенно иные объяснения.

1.3. Жестовые лигатуры

При исчислении и описании жестикуляции принципиальным является вопрос, до какого минимального уровня может быть расчленен тот или иной жест. К сожалению, в явном виде ответ на этот вопрос дается нечасто, обычно членимость жеста и его минимальные компоненты определяются «по здравому смыслу», «на глазок». В работах круга ученых, которые группируются вокруг К. Мюллер (университет Франкфурта-на-Одере)¹⁶, активно и вполне продуктивно используется понятие воспроизводимого (гесигент) жеста, т. е. жеста, который, не являясь эмблемой (типа жестов 'ОК' или 'большой палец вверх'), тем не менее регулярно в сходных условиях воспроизводится в живом общении (собственно, описанные выше жесты с компонентом 'ладонь вверх / вниз', 'указательный палец' представляют собой примеры воспроизводимых жестов).

Однако само введение понятия воспроизводимых жестов предполагает, что существуют невозпроизводимые жесты, т. е. жесты, возникающие *ad hoc* и никогда более не могущие быть повторенными, разве только случайно. Если проводить аналогии со звучащей речью, то такое видение приравнивает жест к предложению. Ведь только некоторые предложения являются идиомами (= жесты-эмблемы), и лишь некоторые – устоявшимися формулами (воспроизводимые жесты). Следовательно, остальная масса невозпроизводимых жестов, сопровождающих речь, представляет собой как бы совокупность уникальных и не повторяемых более одного раза предложений свободной структуры, созданных специально для данного конкретного случая.

Нам представляется более оптимистичным сравнение жеста не с предложением, а со словом. Собственно, сама К. Мюллер, используя в отношении жестов с компонентом

¹⁶ Ср. [Bressem, Ladewig (forthcoming)].

‘ладонь вверх’ понятие с е м е й с т в о ж е с т о в (gesture family), подталкивает именно к такому пониманию: семейство жестов в такой трактовке представляет собой как бы семейство однокоренных слов. Нам на данном этапе кажется разумным расценивать каждый жест как совокупность морфем¹⁷, сложенных в слово (в принципе, это слово может быть и одноморфемным). Это позволяет надеяться на создание своего рода лексикона жестообразующих формантов, количество которых, по всей видимости, окажется достаточно большим, но, что главное, – не бесконечным.

Но если трактовать жест как некоторое сочетание жестикуляционных морфов, то всякий жест, включающий в себя больше одного морфа, должен рассматриваться как сочетание элементарных жестикуляционных единиц. Такие сочетания элементарных жестов, составляющих жестикуляционное слово, мы называем далее жестовой лигатурой, или просто **лигатурой**¹⁸. Типы лигатур можно исчерпывающе описать только в ходе составления упомянутого выше лексикона элементарных жестов, однако предварительные различия можно сделать уже сейчас.

Вертикальной лигатурой мы называем одновременное исполнение двух элементарных жестов одним и тем же активным органом, причем данные жесты должны иметь общий компонент значения. Например, вертикальной лигатурой является одновременное¹⁹ движение головой назад и поднятие бровей вверх – сочетание жестов, которое обозначает ‘дистанцирование’, ‘непонимание’ (жест ‘двинуть головой назад’ имеет внутреннюю форму ‘отодвинуться’ (от чего-то непонятного), поднятые брови в данном контексте имеют значение ‘удивление’, ‘непонимание’). Каждая из составных частей этой вертикальной лигатуры (движение головой назад, поднятые брови) встречается и самостоятельно, и в составе других лигатур, сохраняя при этом более или менее постоянное значение, если, конечно, последнее формулировать достаточно абстрактно.

Горизонтальной лигатурой мы называем два жеста одного и того же активного органа, которые в естественной жестикуляции часто следуют друг за другом. Например, достаточно частотной горизонтальной лигатурой является жест ‘ладонь вверх’ в направлении слушающего (в значении просьбы), сменяемый движением этой же ладони на говорящего (эта горизонтальная лигатура расшифровывается ‘дай мне’). Особым типом горизонтальной лигатуры являются **жесты-portemanteaux**, которые достаточно часто встречаются среди указательных жестов. Жест-portemanteau имеет место в том случае, когда два жеста следуют друг за другом, и при этом в горизонтальную лигатуру от первого жеста попадает компонент *а* (например, активный орган), а из второго жеста – компонент *б* (например, направление движения).

(26)

Речевой ряд	Ничего, я поссорюсь с соседями.	Э т о	я умею!
Жестовый ряд		указательный палец на слове <i>это</i> указывает на говорящего	

Н. Кошеверова и др. Золушка, 1947

В примере (26) *это* выделено эмфатически. Как мы будем говорить ниже, дейктический жест, сопровождающий эмфатически выделенное дейктическое выражение, обычно осуществляется указательным пальцем. Таким образом, у к а з а т е л ь н ы й п а л ь ц в этой лигатуре-portemanteau относится к местоимению *это*. Однако указательный палец, движущийся в направлении говорящего, может относиться только к местоимению *я*,

¹⁷ Понятие жестикуляционной морфемы используется в работе [McNeill 2008], однако там оно относится к эмблемам, т. е. жестикуляционным идиомам.

¹⁸ В работе [Гришина 2011б] мы уже использовали данное понятие, но со времени написания этой статьи наша трактовка лигатуры несколько трансформировалась.

¹⁹ Одновременность здесь означает совпадение по времени ударных частей включенных в лигатуру жестов.

а следовательно, направление движения в этой лигатуре относится к следующему за *это* личному местоимению *я*²⁰.

Жесты-*portemanteaux* следует отличать от случаев *аккомодации жестов*. Поскольку жестикуляция представляет собой континуум, то естественным образом жесты приспособляются друг к другу, подобно тому как в континууме речи приспособляются друг к другу звуки. Например, ретракция первого жеста накладывается на подготовительную стадию второго, или, реже, конфигурация руки, характерная для ударной части первого жеста, сохраняется во втором (пример (27)).

(27)

Речевой ряд	– Я не вызывал полицию.	– Вы не вызывали,	вызывала... мадам а з е л ь ...
Жестовый ряд		указательный палец правой руки показывает на собеседника ¹ (рис. 1)	обе руки показывают на собеседницу ² , при этом левая рука указывает открытой ориентированной вверх ладонью, а правая сохраняет указание пальцем, которое сочетается с ориентацией ладони вверх (рис. 2)

А. Сурикова и др. Ищите женщину, 1982

Рис. 1

Рис. 2

Аккомодация жестов отличается от жестов-*portemanteaux* тем, что имеет две ударные части (первого и второго жеста), в то время как жесты-*portemanteaux* объединяют два жеста одной ударной частью²¹.

1.4. Постановка задачи

В данной статье мы планируем проанализировать жесты, которые в устной русской речи сопровождают указательные частицы, местоимения и наречия *вон*, *вот*, *здесь*, *там*, *тот*, *тут*, *это*²² и *этот*. Мы априори предполагаем, что сочетание указательного жеста и указательного слова представляет собой мультимодальный кластер (см. [Müller 2008: 236–237; Гришина 2011a]), т. е. жестикуляция в этом сочетании своими средствами отображает значение речевого дейксиса, который она сопровождает. Соответственно, зная значение речевого дейксиса и его контекст, мы можем реконструировать те компоненты жестикуляционного дейксиса, которые им соответствуют. Предложенная

²⁰ Часто имеет место ситуация, когда один указательный жест осуществляется на фоне двух идущих подряд дейктических слов (например, сочетание *вон там* и т. п.), и тогда совершенно невозможно определить, относится ли данный жест к одному из дейктических слов или представляет собой жест-*portemanteau*. В таких случаях материал приходилось выводить из рассмотрения.

²¹ Заметим, что в примере (27) мы формально имеем дело с сочетанием указание пальцем + ориентация ладони вверх, но, поскольку в данном случае такая конфигурация указующей руки в жесте на рис. 2 является результатом аккомодации с предшествующим жестом, рассматривать зависимую конфигурацию руки в качестве самостоятельной не следует, и в дальнейшем анализе случаи очевидной аккомодации не учитывались.

²² Имеется в виду *это* в значении связки (*Это он*). *Это* в значении свернутой дейктической группы (*мне это не нравится*) рассматривается в составе группы *этот*.

схема анализа выглядит достаточно простой и очевидной, однако в реальности появляются сложности, связанные с тем, что разные компоненты значения речевого дейксиса (например, его референциальное значение и место в коммуникативной структуре фразы) могут передаваться разными компонентами жестикуляционного дейксиса. К примеру, расположение дейксиса в эмфатической зоне фразы может требовать одной конфигурации указующей руки, его референциальное значение – другой, а иллокутивная сила фразы предполагает некоторую третью конфигурацию. Единственной возможностью справиться с этой многофакторностью является статистический анализ материала.

Таким образом, при анализе мы будем выбирать тот или иной параметр значения речевого дейксиса и определять, с какой частотой этот параметр сочетается с теми или иными жестикуляционными компонентами. В случае если по критерию χ -квадрат значение речевого дейксиса и компоненты жеста будут признаны независимыми, мы будем считать, что данная конфигурация указующей руки не передает исследуемое значение. В случае же, если критерий χ -квадрат покажет хотя бы минимальную связь жестикуляционного и речевого компонента дейксиса, мы будем дополнительно использовать критерий нормированной дельты, чтобы показать направление влияния данного параметра и его вес (подробнее о нормированной дельте см. [Гришина 2012a], а также ниже пояснения при табл. 3).

1.5. Инвентарь русских ручных указательных жестов

В упомянутой выше работе [Kendon, Versante 2003] для неаполитанского диалекта итальянского языка был определен следующий инвентарь ручных указательных жестов²³:

- 1) указание указательным пальцем (УП) + вертикальная ладонь (рис. 3)

Рис. 3

- 2) УП + ладонь вниз (рис. 4)

Рис. 4

- 3) указание открытой ладонью (ОЛ), ладонь вверх (рис. 5)

Рис. 5

- 4) указание ОЛ, ладонь вертикально (рис. 6)

Рис. 6

²³ Ниже некоторые рисунки, которые в цитированной работе показались нам не вполне отчетливыми, заменены рисунками из нашей коллекции.

5) указание ОЛ, косая ладонь (рис. 7)

Рис. 7

6) указание большим пальцем (рис. 8)

Рис. 8

Каждый из этих жестов рассматривается в цитируемой работе как самостоятельная единица, т. е. они не разлагаются на составные компоненты и не группируются в более крупные объединения.

В статье [Wilkins 2003] использован несколько иной принцип группировки указательных жестов, которые фиксируются автором для одного из языков австралийских аборигенов, аренте. В системе этого языка не зафиксированы жесты ОЛ + 'ладонь вверх', УП + 'вертикальная ладонь', 'указание косой ладонью', 'указание большим пальцем', однако выделяется 'указание широкой ладонью' (см. рис. 9), которое используется для указания на совокупности.

Рис. 9

При этом с функциональной точки зрения в языке аренте отождествляются как одна и та же единица достаточно разные, со сторонней точки зрения, жесты. Так, например, указание пальцем реализуется как минимум в четырех вариантах (рис. 10); еще более неожиданным кажется отождествление в одном жесте двух вариантов указания вертикальной открытой ладонью (рис. 11).

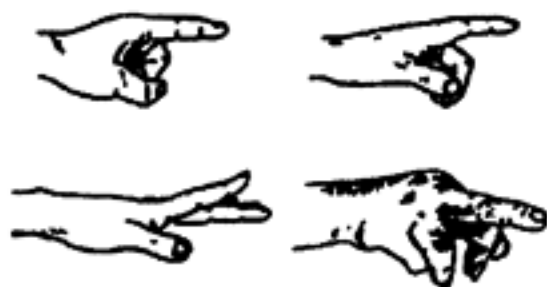

Рис. 10

Рис. 11

Эти две статьи демонстрируют различающиеся подходы к инвентаризации жестов. Сам Дэвид Уилкинс обозначает это различие как расхождение между «этическим» и «эмическим» подходом: с точки зрения Уилкинса, «этический» подход А. Кендона ведет к тому, что как самостоятельные единицы рассматриваются жесты, которые в языке находятся в дополнительном распределении (т. е. выполняют одну и ту же дейктическую функцию, а выбор между тем или иным вариантом полностью определяется внешними условиями коммуникации), а следовательно, должны рассматриваться как «алложесты» одной «жестемы» (формулировка моя. – Е. Г.).

Будучи в затруднении, какой из предложенных подходов выбрать для описания русской системы ручных указательных жестов, мы предпочли некий третий путь, для использования которого наш материал, как кажется, предоставляет все возможности.

Совокупность русских ручных указательных жестов, если отвлечься от некоторых частностей, выглядит, по нашим данным, следующим образом (табл. 2а).

Таблица 2а

Орган Ориентация ладони	УП (указательный палец)	ОЛ (открытая ладонь)	большой палец
вверх	+	+	ориентация ладони не имеет значения ввиду своей вынужденности
вертикально	+	+	
вниз	+	+	
косая ладонь	–	+	
комбинированная ладонь	–	+	

Затемнением выделены те сочетания органа и ориентации ладони, которые не были проиллюстрированы выше: указание УП с ладонью, обращенной вверх (рис. 12), указание ОЛ, обращенной вниз (рис. 13), и указание открытой комбинированной ладонью (зона ладони, примыкающая к мизинцу и безымянному пальцу, развернута вверх, зона ладони, примыкающая к большому, указательному и среднему пальцу, развернута вертикально, рис. 14):

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Обратим внимание на то, что косая ладонь (рис. 7) и комбинированная ладонь (рис. 14) представляют собой два варианта ориентации ладони, «не повернутой» до конечной позиции вверх: оба жеста включают в себя компонент ‘ладонь вверх’, однако выражен он по-разному – и качественно, и количественно. Косая ладонь образует с поверхностью земли угол, более или менее приближенный к 135°, таким образом, здесь поворот ладони до 180° просто не доведен до конца. Комбинированная ладонь представляет собой либо вертикально ориентированную ладонь, часть которой развернута вверх, либо ладонь, ориентированную вверх, часть которой приподнята до вертикального состояния. Ввиду того, что обе ориентации ладони содержат в себе элемент ‘ладонь вверх’, далее мы будем рассматривать эти две ориентации вместе с ориентацией ладони ‘вверх’.

В поддержку такого решения говорит и тот факт, что ориентация ‘косая ладонь’ и ориентация ‘комбинированная ладонь’ распределены дополнительно. Сравним, как связаны между собой ориентация ладони и степень вытянутости руки говорящего: вытянута она полностью (прямая рука) или находится в полусогнутом состоянии. Данные приведены в табл. 3.

Таблица 3

Ориентация Рука	прямая	полусогнутая	Λ_N	Δ_E
косая ладонь	29	12	0,41	0,7
комбинированная ладонь	30	96	–0,52	–0,23
$\chi^2 = 29,8, p \leq 001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Примечание. В таблице использованы понятия нормированной дельты (Δ_N) и экстраполированной дельты (Δ_E). Они введены для того, чтобы выразить с помощью чисел направление расхождения двух сравниваемых параметров и его величину. Δ_N вычисляется по формуле

$$(\text{Я1} - \text{Я2})/(\text{Я1} + \text{Я2}),$$

где Я1 и Я2 – две соседние ячейки, например, ‘прямая рука’ + ‘косая ладонь’ = 29 (Я1), ‘полусогнутая рука’ + ‘косая ладонь’ = 12 (Я2); $\Delta_N = (29 - 12)/(29 + 12) = 0,41$.

Экстраполированная дельта Δ_E выравнивает данные, которые слишком различаются между собой количественно: примеров на вариант ‘прямая рука’ – 59, примеров на вариант ‘полусогнутая рука’ – 108, т. е. почти в два раза больше; экстраполированная дельта предполагает, что мы расширяем наш исходный корпус и доводим количество примеров на вариант ‘прямая рука’ до 108, тем самым выравнивая данные в столбцах; экстраполяция предполагает, что увеличение корпуса приведет к тому, что все новые примеры на вариант ‘прямая рука’ распределятся в исходной пропорции 29/30; естественно, чем больше исходный корпус, тем надежнее экстраполяция.

Экстраполированная дельта

$$\Delta_E = \Delta_N - \Delta_T,$$

где $\Delta_T = (\Sigma_1 - \Sigma_2)/(\Sigma_1 + \Sigma_2)$, а Σ_1 и Σ_2 – суммы первого и второго столбцов; для столбца ‘прямая рука’ это 59, для столбца ‘полусогнутая рука’ 108, соответственно, $\Delta_T = (59 - 108)/(59 + 108) = -0,29$; следовательно, Δ_E для первой строки $\Delta_E = 0,41 - (-0,29) = 0,7$.

Чем больше значение экстраполированной дельты, взятой по модулю, тем сильнее различительная сила данного параметра. Чем ближе к единице числовая дистанция между двумя значениями Δ_N (сумма модулей их значений), тем важнее данный фактор, т. е. тем выше его величина. Направление влияния показано знаком при дельте (минус показывает, что данный параметр характерен для второго столбца, т. е. $\Delta_E = -0,23$ означает, что с комбинированной ориентацией ладони чаще сочетается полусогнутая рука).

Таблица 3 с очевидностью свидетельствует, что полностью выпрямленная, напряженная рука требует косой ладони (экстраполированная дельта 0,7), в то время как расслабленная полусогнутая рука тяготеет к комбинированной ладони (экстраполированная дельта -0,23)²⁴.

Учитывая названные два обстоятельства (наличие в ориентации ‘косая ладонь’ и ‘комбинированная ладонь’ элемента ‘ладонь вверх’ и тот факт, что эти две ориентации находятся в дополнительном распределении), таблицу 2а можно трансформировать следующим образом (см. табл. 2б).

Таблица 2б

ОрганизацИонная ориентация ладони	Орган	УП (указательный палец)	ОЛ (открытая ладонь)	большой палец
вверх (+косая/комбинированная ладонь)		+	+	ориентация ладони не имеет значения ввиду ее вынужденности
вертикально		+	+	
вниз		+	+	

Такая конфигурация таблицы, включающая в себя все возможные комбинации признаков, предполагает, по-видимому, что параметр ‘орган’ (указательный палец или открытая ладонь) и параметр ‘ориентация ладони’ в составе классического указательного жеста могут рассматриваться как относительно независимые, а сам указательный жест (если оставить в стороне указание большим пальцем) – как вертикальная лигатура двух самостоятельных жестикуляционных компонентов, каждый из которых в составе ука-

²⁴ Заметим, что в подсчетах не учитывалось вынужденное положение руки, когда ее полусогнутость диктовалась внешними физическими условиями, например недостатком пространства для жестикуляции, тем фактом, что говорящий опирался на жестикулирующую руку, и т. п.

зательного жеста отвечает за ту или иную смысловую зону. Последующее изложение будет исходить именно из этой базовой посылки.

Выше мы не случайно оговорились, что два названных параметра имеют относительную независимость. Действительно, априори любому носителю русского языка кажется, что указание с помощью указательного пальца и развернутой вверх ладони, а также указание с помощью открытой ладони, обращенной вниз, если и встречаются в русской системе указательных жестов, то чрезвычайно редко. И это ощущение вполне надежно подкрепляется статистическими данными в табл. 4.

Таблица 4

ОрганизацИя ладони	Орган	УП (указательный палец)	ОЛ (открытая ладонь)	Δ_N
вверх (+косая/комбинированная ладонь)		36	382	-0,83
вертикально		264	164	0,23
вниз		284	44	0,73
$\chi^2 = 484,4, p \leq 001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, указание УП практически со стопроцентной вероятностью требует ориентации ладони вертикально или вниз, в то время как указание открытой ладонью отчетливо предпочитает ориентацию ладони вверх (напомним, что в качестве жестов УП + 'ладонь вверх' мы не рассматривали случаи аккомодации двух последовательных указательных жестов, см. сноску 21). При этом, однако, обратим внимание на то, что количество примеров на указание УП + 'ладонь вверх' и указание ОЛ + 'ладонь вниз' все-таки достаточно заметно, т. е. эти указательные жесты являются редкими, но не уникальными.

Таким образом, в случае если мы беремся рассматривать каждый указательный жест как комбинацию двух параметров ('орган' и 'ориентация ладони'), мы должны будем предложить какое-то объяснение для такой асимметрии в сочетании параметров. Именно в этом и состоит одна из основных задач данной работы. Далее мы рассмотрим группу факторов, которые влияют на выбор жеста, и попытаемся определить меру их влияния. (Указание с помощью большого пальца в статье рассматриваться не будет.)

2. УКАЗАНИЕ ПАЛЬЦЕМ И ОТКРЫТОЙ ЛАДОНЬЮ

2.1. Внутренняя форма жеста

Обычно указание пальцем рассматривается как некоторое жестикуляционное действие, которое в любой ситуации имеет одну и ту же внутреннюю форму. Нам кажется, что это не вполне верно. В указывающем пальце, если сравнивать этот жест с указывающей открытой ладонью, в разных ситуациях могут быть актуализированы разные компоненты. Таких компонентов, по-видимому, три.

1) Кончик указательного пальца (единичный и точечный) противопоставляется отсутствию такой единственной точки при указании открытой ладонью, когда в указании участвуют равноправно все пальцы.

2) Кончик указательного пальца, актуализируя конечный пункт назначения указательного жеста, актуализирует тем самым и исходный пункт указания – точку месторасположения субъекта указания; в результате указательный палец своей длиной символизирует расстояние между двумя этими точками; открытая ладонь, не имея отдельной выделенной точки, не задает и исходную точку указания, а следовательно, не включает в себя и идею длины, расстояния, дистанции (но близкую идею 'территории' включает в себя открытая ладонь, обращенная вниз, см. выше раздел 1.2.2).

3) Указательный палец как целое и его точечный кончик символизируют некоторый протыкающий объект, т. е. указательный палец в сочетании с движением вперед превращается в объект типа копья или стрелы; открытая ладонь не имеет такой внутренней формы.

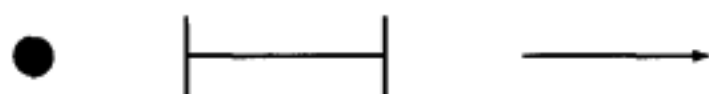

Рис. 15

В разных функциях у указательного жеста УП актуализируются разные компоненты – точка, отрезок или вектор. Далее при объяснении тех или иных статистических закономерностей мы будем оперировать этими тремя образами, условно говоря, схемой «точка», схемой «отрезок» и схемой «вектор».

2.2. Референциальные факторы

2.2.1. Определенность/неопределенность объекта

В этом разделе мы разберем несколько факторов, влияющих на выбор указательного жеста, которые связаны с теми или иными референциальными характеристиками объекта указания.

Как уже было отмечено, указание пальцем, в отличие от указания открытой ладонью, приравнивает объект указания к некоторой отдельной выделенной точке, которую иконически отображает кончик указующего пальца. В указательном жесте открытой ладонью такой выделенной точки заведомо нет. Этот простой факт ведет к целому ряду последствий в использовании указательных жестов УП и ОЛ²⁵. В работе [Крейдли 2007: 325], опираясь на этот же компонент структуры указания УП, автор показал, что «на множестве указательных жестов имеются смысловые противопоставления большей / меньшей *определенности (индивидуализации)* и *единичности/множественности объекта*».

В русском языке, как известно, категория определенности не имеет грамматического выражения, в связи с чем, чтобы узнать, как связан указательный жест с этой категорией, и связан ли вообще, мы рассмотрим некоторые лексические средства, стандартно передающие идею (не)определенности.

Для анализа жестикуляционного сопровождения значения **неопределенности** объекта указания были выбраны конструкции с неопределенными местоимениями *-то* и *-нибудь* серий, конструкции с сочетаниями *то-се*, *так-сяк*, а также несколько специфических конструкций, включающих неопределенность в качестве смыслового компонента: перечисления (*эти миди, мини, макси... штаны эти широченные; крючочки-поплавочки; то охота учиться, то неохота*), обозначение неопределенного промежутка или момента времени (*между десятью и одиннадцатью часами утра; так, между делом, скажете ему; в ближайшие три года может произойти целая серия цунами*); кроме того, включен один пример, где неопределенность объекта понятна из ситуации (*этому хлюпику Косте* – неопределенность связана с тем, что говорящему неизвестно местонахождение хлюпика Кости).

Для анализа контекстов **определенности** было отобрано несколько конструкций со словом *именно* и одна конструкция со словом *конкретный* (*и это при том что мы не ставим себе такой конкретной задачи; вот именно!; всю жизнь мечтал об этом искусстве гончарном именно*). Результаты соотношения значения определенности / неопределенности и жестикулирующего органа показаны в табл. 5.

²⁵ Несколько таких следствий было подробно описано нами в работе [Гришина 2012а], в которой с опорой на этот факт было сформулировано различие в значениях и жестикуляционном сопровождении синонимичных русских наречий *здесь* и *тут*.

Таблица 5

Определенность Орган	определенное	неопределенное	Δ_N	Δ_E
УП	18	1	0,89	1,24
ОЛ	4	44	-0,83	-0,49
$\chi^2 = 47,7, p \leq 001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, для компонента значения 'определенность' в высшей степени характерно указание пальцем, а для компонента 'неопределенность' – указание открытой ладонью. Следует уточнить, что реально значение неопределенности сопровождалось указанием пальцем, а не ладонью не один раз, как показано в табл. 4, а десять раз. Однако в не учтенных в таблице случаях мы имеем дело:

1) с указательными жестами, которые сопровождают сочетания неопределенных местоимений с местоименными наречиями (*где-то здесь, где-нибудь там*, 6 раз), в которых указательный жест скорее всего относится к местоименному наречию, а не к неопределенному местоимению;

2) со случаями аккомодации жестов, т. е. сохранения конфигурации руки, унаследованной от предшествующего жеста (3 раза).

Таким образом, единственным примером, в котором указание УП сопровождает неопределенное местоимение, является пример (28):

(28)

Речевой ряд	<i>Ты все какую-то ерунду</i>		<i>в ушах носишь.</i>
Жестовый ряд	указание УП, вертикальная ориентация ладони, палец указывает на серьгу в ухе собеседницы		

М. Жаров и др. Анискин и Фантомас, 1973

В этом примере, однако, действуют по крайней мере два фактора, которые требуют указания пальцем, а не рукой. Во-первых, указание пальцем здесь выполняет не только указательную, но и идентифицирующую функцию (*какая-то ерунда* = 'серьги', см. ниже, раздел 2.2.5), а во-вторых и, по-видимому, в главных, указательный палец здесь выбран в связи с указанием на мелкий предмет, серьгу (см. ниже, раздел 2.2.4): в случае, если бы здесь было выбрано указание рукой (в соответствии со значением неопределенного местоимения *какой-то*), возникла бы ситуация двусмысленного указания, поскольку указание ОЛ в сторону адресата воспринимается не как указание на конкретную часть адресата (серьгу в ухе), а как жест, указывающий на адресата как на целостную личность, или как жест, выполняющий ту или иную прагматическую функцию (см. выше, раздел 1.2). Таким образом, наша выборка, пусть и небольшая, демонстрирует фактическую обязательность связи указания ОЛ и значения неопределенности (объект указания 'неизвестно какой' или 'неважно какой') и высокий уровень обязательности указания УП при определенной именной группе.

Эти же данные демонстрируют, что категория неопределенности, вероятнее всего, никак не связана с ориентацией ладони, как показано в табл. 6.

Таблица 6

Определенность \ Ориентация	определенное	неопределенное ²⁶
вверх	3	14
вертикально	7	7
вниз	9	9
$\chi^2 = 4,89$; параметры не связаны, распределения недостоверны		

Итак, указание УП предпочтительнее в ситуации, когда референт указания определен, указание ОЛ – когда, напротив, не определен, и при этом ориентация ладони с категорией определенности, по-видимому, не связана.

2.2.2. Противопоставление объекта и ситуации

Указательные слова, послужившие материалом для нашей работы (*вон, вот, здесь, там, тот, тут, это, этот*), все являются определенными, поэтому значения дельт, полученные ниже, будут заметно менее контрастными, чем значения дельт, связанных с (не)определенностью. Тем не менее в случае если значения χ -квадрата по той или иной таблице будут показывать достоверные распределения частот, мы будем считать возможным оперировать и такими недостаточно контрастными дельтами, которые, напомним, показывают направления жестикуляционных предпочтений и их вес.

В качестве одного из референциальных факторов, влияющих на выбор конфигурации указующей руки, мы рассмотрим тип объектов указания. Как показало наше исследование местоименных наречий *здесь* и *тут* и сопровождающих их жестов [Гришина 2012а], значимым для выбора указательного жеста может оказаться различие между объектом и ситуацией. Мы считаем, что рука указывает на объект в том случае, если объекты указания представляют собой материальные сущности самой разной природы ('человек', 'предмет', 'территория', 'строение', 'поселение', 'животное' и т. п.) или нематериальные сущности стабильной структуры ('мысль', 'высказывание', 'учреждение', 'организация'):

(29)

Речевой ряд	– Спорим. – На что?	– А вот	на твою кубанку.
Жестовый ряд		указание ОЛ на головной убор соседа, 'ладонь вверх'	

Ю. Чулюкин, Б. Бедный. Девчата, 1962

(30)

Речевой ряд	Это	Бетховен писал по заказу!
Жестовый ряд	указание УП на рояль, на котором только что было исполнено произведение Бетховена, 'ладонь вертикально'	

А. Ивановский и др. Антон Иванович сердится, 1941

В случае если указательный жест направлен на некоторый событийный объект ('ситуация', 'свойство', 'событие', 'процесс' и т. п.) или на какую-то точку во времени (т. е. на точку в событийном развитии ситуации), мы считаем объектом указания событие, ситуацию:

²⁶ В таблицу не включены случаи, когда ладонь не имеет фиксированной ориентации, что чрезвычайно характерно для жестов со значением неустойчивости, неопределенности и т.п.

(31)

Речевой ряд	Ну заменим!	Ну на той неделе	заменим!
Жестовый ряд		указание ОЛ вне зоны коммуникации, 'ладонь вверх'	

А. Митта и др. Друг мой, Колька!, 1961

(32)

Речевой ряд	Турок палит	в о н как попало.	А мы только прицелясь!
Жестовый ряд		указание УП на стреляющие из пушек корабли противника 'ладонь вниз'	

М. Ромм, А. Штейн. Адмирал Ушаков, 1953

Естественно, что границу между объектами и ситуациями иногда бывает чрезвычайно трудно провести. Более того, исследование наречий *здесь* и *тут* показало, что, по-видимому, именно выбор соответствующего жеста позволяет прояснить, как именно говорящий трактует объект указания – как объект или как ситуацию. Однако мы исходим из того, что влияние ошибок и сомнительных решений на общий результат при достаточном количестве примеров сглаживается²⁷.

Итак, для количественного анализа в нашем распоряжении есть четыре указательных слова: *вон*, *вот*, *тот*, *этот*. И здесь мы впервые сталкиваемся с тем, что сопровождение этих дейксисов тем или иным указательным жестом зависит не столько от референтного статуса единицы, сколько от ее семантики. Действительно, табл. 7 показывает, что выбор между пальцем и ладонью в сопровождающем указательном жесте приводит к разным результатам у пары *вон*, *вот*, с одной стороны, и у пары *тот*, *этот* – с другой.

Таблица 7

Тот, этот				
Тип объекта указания Орган	объект	ситуация	Δ_N	Δ_E
УП	152	25	0,72	0,02
ОЛ	114	23	0,66	-0,03
$\chi^2 = 0,42$ параметры не связаны, распределения недостоверны				
Вон, вот				
Тип объекта указания Орган	объект	ситуация	Δ_N	Δ_E
УП	100	12	0,79	0,24
ОЛ	98	47	0,35	-0,19
$\chi^2 = 16,8$, $p \leq 001$; параметры связаны, распределения достоверны				

²⁷ В приведенных ниже таблицах не учитывались данные по местоименным наречиям *здесь*, *тут* и *там*, поскольку в этих случаях очень трудно определить, апеллирует указание к некоторому месту или к ситуации, которая протекает в этом месте (опять же, одним из признаков, позволяющих понять это, является выбор сопровождающего указательного жеста). Кроме того, в таблицы не включены данные по местоимению *это*, поскольку оно используется либо в конструкциях идентификации (*Это X*), либо в запросах на идентификацию (*Что это?*). Соответственно, именно в ходе осуществления этих высказываний говорящий принимает решение, имеет он дело с объектом или с ситуацией. Следовательно, конструкция с *это* не может быть нам здесь полезной, и апеллировать снова приходится к сопровождающему жесту, который для нас пока является искомым, а не данным.

Как видим, у местоимений *тот, этот* различие между объектами указания ('объект' vs. 'ситуация') не оказывает влияния на выбор органа указания. Напротив, для жестикуляционного сопровождения частиц *вон, вот* различие в типе объекта указания оказалось достаточно важным: для указания на объекты выбирается обычно УП, для указания на ситуации – ОЛ. Выше мы уже высказывали предположение, что такое распределение связано с иконическими особенностями указывающей руки: указательный палец трактует объект указания как точку, не имеющую объема и не изменяющуюся во времени, что идеально подходит для указания на объекты; напротив, указание ОЛ, не фиксируя в пространстве указания ни одной специально выделенной точки, распределяется в трехмерном пространстве (а следовательно, в соответствии со стандартами передачи времени в языке через пространственные понятия и схемы, см. [Calbris 2008], распределяется и на временной оси), и естественным образом предназначено для указания на развивающиеся в пространстве и времени ситуации.

Чем объяснить столь разное поведение двух пар указательных слов? Если говорить в общем, не претендуя на серьезный лингвистический анализ, различие между парами *тот, этот* vs. *вон, вот* заключается в том, что первая пара вводит в высказывание активированный объект указания, т. е. тот референт, к которому отсылает местоимение *тот, этот*, уже введен в зону внимания говорящего и слушающего: во фразах *Кто притащил сюда эту собаку?; Я не могу работать в этой давке!; Вот тот в вельвете кто?; Вот за то мы и любим ваш предмет* референты сочетаний *эта собака, эта давка, тот в вельвете, то* известны и говорящему, и слушающему и были уже введены в поле их внимания раньше. Напротив, указательные частицы *вон, вот* впервые вводят референт в поле внимания слушающего (но этот референт к данному моменту уже находится в поле внимания говорящего): *Вон вчера учительница про одну рассказывала; Вон видите тот серый дом?; Вот передо мной любящая мать!; Вот, и дневального даже нет*. Представляется, что именно этой разницей в референтном статусе и объясняется разное жестовое сопровождение этих дейксисов: для активированных референтов, уже введенных в поле внимания и говорящего, и слушающего, нет необходимости в их атрибуции как 'объектов' или как 'ситуаций', и сопровождающие дейктические жесты тем самым освобождаются от данной референциальной функции, выполняя какие-то другие задачи. Для первого же введения референта в поле внимания слушающего такая атрибуция может оказаться не лишней, и ее, как представляется, исполняют соответствующие жесты (ОЛ указывает на референт, который говорящий воспринимает как ситуацию, а УП – на референт, который воспринимается говорящим как точечный и не развивающийся во времени объект).

Посмотрим, как связаны эти дейксисы с ориентацией ладони (табл. 8).

Как видим, отсутствие связи между 'объектом' / 'ситуацией' и ориентацией ладони в отношении местоимений *тот, этот* по-прежнему сохраняется. Напротив, для дейксисов *вон, вот* связь между референтным статусом объекта указания и выбором ориентации ладони вполне достоверна: 'ситуация' тяготеет к ориентации ладони вверх, 'объект' – к ориентации ладони вниз; вертикальная ориентация ладони в равной мере применима к референтам обоих классов, поскольку значение экстраполированной дельты здесь практически равно нулю ($-0,02$).

Попытаемся объяснить, каким образом ориентация ладони может быть связана с различиями между объектом и ситуацией, а также с семантикой указательных частиц *вон* и *вот*. Как мы уже писали выше, частицы *вон, вот* содержат в себе прагматический компонент, призывающий слушающего обратить внимание на некоторый объект указания. Из раздела 1.2 явствует, что этот призыв к слушающему может осуществляться в двух формах: мягкое приглашение, предложение (сценарий 'давать', ориентация ладони вверх) и более жесткое требование (сценарий 'положить руку на кого-л., ориентация ладони вниз'). При этом вертикальная ориентация ладони не имеет самостоятельного прагматического значения.

Таким образом, если говорящий трактует объект указания как 'объект', а не как 'ситуацию', он, как следует из вышеизложенного, предпочтет указать на него пальцем.

Таблица 8

Тот, этот				
Тип объекта указания	объект	ситуация	Δ_N	Δ_E
Ориентация ладони				
вверх	80	17	0,65	-0,04
вертикально	112	18	0,72	0,03
вниз	74	13	0,70	0,01
$\chi^2 = 0,59$ параметры не связаны, распределения недостоверны				
Вон, вот				
Тип объекта указания	объект	ситуация	Δ_N	Δ_E
Ориентация ладони				
вверх	75	33	0,39	-0,15
вертикально	69	22	0,52	-0,02
вниз	54	4	0,86	0,32
$\chi^2 = 12,1$ $p \leq .002$; параметры связаны, распределения достоверны				

А поскольку ему требуется добавить в исполняемый жест еще и императивный компонент, как того требует семантика частиц *вон* и *вон*, то выбирать он должен в этом случае между ориентацией ладони вниз или вверх. Если он добавляет мягкий прагматический компонент, *п р и г л а ш е н и е*, то в результате укажет на 'объект' с помощью указательного пальца и ладони, развернутой вверх.

В чем недостаток жеста УП + 'ладонь вверх' (или, иными словами, почему жест такой конфигурации используется так редко; см. табл. 4)? По-видимому, объяснение состоит в том, что этот жест включает в себя противоречащие друг другу элементы. Во-первых, такая конфигурация указующей руки задает два вектора указания, которые находятся под прямым углом друг к другу: ладонь вверх предполагает, что объект указания расположен в открытой ладони субъекта указания (вектор снизу вверх), а указательный палец предполагает, что объект указания расположен на конце вектора, заданного пальцем (см. рис. 16).

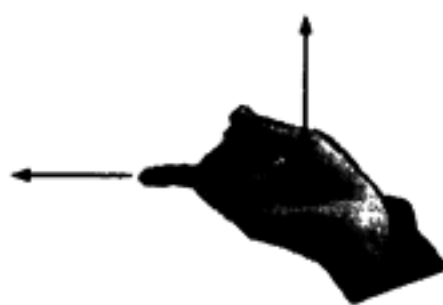

Рис. 16

Во-вторых, конфигурация руки УП + 'ладонь вверх' включает в себя два разных типа иллокуции: ладонь вверх предполагает мягкую императивность (приглашение), в то время как указательный палец предполагает жесткую императивность (требование). Поэтому хотя комбинация УП + 'ладонь вверх' и употребляется в русской жестикуляции, но достаточно редко. Таким образом, для выражения императивного компонента при указании пальцем на объект для говорящего остается только один внутренне непротиворечивый жест, а именно УП + 'ладонь вниз'. Отметим, что эта комбинация является наиболее комфортной для указания на объект в сочетании с императивным

компонентом, поскольку указание УП, как мы уже писали выше, само по себе может являться императивом.

В случае если говорящий при использовании частиц *вон* и *вот* предпочитает трактовать объект указания как 'ситуацию', он, скорее всего, предпочтет показать на нее открытой ладонью. Для выражения прагматического компонента у него опять же есть две возможности – ориентация ладони вниз и вверх. Если он выбирает ориентацию ладони вниз, то он снова получает дефектный результат: указание ладонью вниз, которое задает вектор указания сверху вниз и противоречит исходному вектору, направление которого задается открытой ладонью (параллельно направлению взгляда субъекта указания, см. рис. 17); как мы писали выше, указание ладонью вниз указывает на некоторую плоскость, расположенную под указующей ладонью параллельно ей. Таким образом, у говорящего остается только одна возможная комбинация органа и ориентации ладони – указание ОЛ + 'ладонь вверх'.

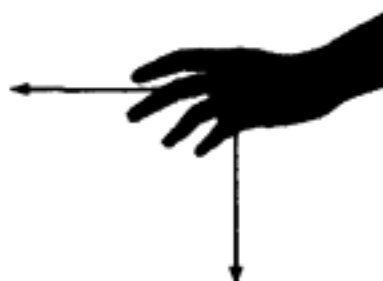

Рис. 17

Таким образом, при первом введении референта в некую коммуникативную ситуацию с помощью частиц *вон*, *вот* говорящий может трактовать этот референт как точечный объект (и тогда, скорее всего, укажет на этот объект пальцем и ладонью, ориентированной вниз) или как объемное развивающееся во времени событие (и тогда укажет на него открытой ладонью, обращенной вверх). В случае если говорящий не ставит перед собой задачи использовать в указании прагматический компонент, ладонь займет вертикальное положение, а выбор между указанием пальцем или ладонью будет диктоваться тем, как говорящий воспринимает объект указания – как 'объект' или как 'ситуацию' (при достаточном количестве примеров это дает экстраполированную дельту примерно равную нулю, потому что трактовки объекта указания как 'объекта' или как 'ситуации', а значит, и указания ОЛ и УП равновероятны).

2.2.3. Противопоставление близкого и дальнего расстояния

В работе [Гришина 2012а] при разборе жестикуляционного сопровождения местоименных наречий *здесь* и *тут* мы уже писали о том, что жестикуляция реагирует на расстояние между субъектом и объектом указания (конечно, речь идет не об объективной близости или дальности, а о субъективной оценке говорящего – расположение объекта указания на одном и том же расстоянии от говорящего может быть расценено последним и как близкое, и как удаленное). Жестикуляционное сопровождение речевых дейксисов позволяет нам проанализировать, как расстояние до объекта указания отражается в структуре указательного жеста. Далее маркерами отдаленности объекта указания мы будем считать дейксисы *вон*, *здесь*²⁸, *там*, *тот*, а маркерами близкого указания – дейксисы *вот*, *тут*, *это*, *этот*. Результаты проведенного анализа см. в табл. 9.

²⁸ В работе [Гришина 2012а] мы пришли к выводу, что наречие *здесь* обозначает близость к объекту указания в сочетании с нахождением на некоторой прагматической дистанции от него, в то время как наречие *тут* предполагает нахождение говорящего внутри объекта указания. Это позволяет нам отнести наречие *здесь* к «дальним» дейксисам, а наречие *тут* – к «ближним». Статистически это решение как будто подтверждается – включение *здесь* в состав дальних дейксисов дает чуть более контрастные и отчетливые результаты по всей этой группе.

Таблица 9

Орган \ Расстояние	близкое	дальнее	Δ_N	Δ_E
УП	275	308	-0,06	-0,22
ОЛ	406	184	0,38	0,22
$\chi^2 = 56,4$ $p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, указание УП характерно для указания на дальние объекты, указание ОЛ – на близкие. Как мы уже писали выше, в случае указания УП кончик пальца иконически изображает некоторую конечную точку указания. Наличие такой конечной точки автоматически актуализирует начальную точку указания – место расположения субъекта указания. Таким образом, указание УП символизирует некоторый отрезок, расстояние между субъектом и объектом указания (схема «отрезок») и тем самым оказывается естественным способом показать на объекты, расположенные от говорящего на некоторой дистанции (дистанция может иметь исключительно прагматический характер, как, например, при употреблении наречия *здесь*). Напротив, открытая ладонь не имеет специально выделенной, отмеченной точки и не задает никакой идеи расстояния или прагматической дистанции, а следовательно, является наиболее естественным средством указать на близкий объект (тем самым близость здесь трактуется как «отсутствие удаленности», т.е. как немаркированное расстояние).

Теперь посмотрим, как связаны между собой указания на близкий/дальний объект и ориентация ладони (табл. 10).

Таблица 10

Ориентация ладони \ Расстояние	близкое	дальнее	Δ_N	Δ_E
вверх	302	116	0,44	0,28
вертикально	260	168	0,21	0,05
вниз	119	208	-0,27	-0,43
$\chi^2 = 98,9$ $p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Картина чрезвычайно напоминает ту, что описана в предыдущем разделе:

- 1) вертикальная ориентация ладони не связана с распределением указаний на близкие и дальние (экстраполированная дельта практически равна нулю (0,05)),
- 2) ориентация ладони вверх тяготеет к указанию на близкие объекты,
- 3) ориентация ладони вниз тяготеет к указанию на дальние объекты.

Для объяснения этого распределения достаточно было бы повторить рассуждения, которые были приведены нами в предыдущем разделе для объяснения выбора ладони при указании на объект или ситуацию. Сложность, однако, заключается в том, что разделение дейксисов на близкие и дальние не предполагает апелляции ни к какому прагматическому элементу, поскольку в отношении расстояния «прагматически нагруженные» *вон* и *вот* ведут себя ровно так же, как прагматически свободные *тот* и *этот*.

Таблица 10 прежде всего ставит вопрос, почему для указания на близкие или дальние объекты не было оказано предпочтения вертикальной ориентации руки? Иными словами, почему для указания на дальний объект чаще выбирается указание пальцем в сочетании с ориентацией ладони вниз, а не вертикально, а для указания на близкий объект – указание открытой ладонью в сочетании с ориентацией ладони вверх, а не вертикально? Такие предпочтения заставляют предполагать, что ориентация ладони вниз или

вверх вносит в состав указательного жеста некие компоненты, которые отсутствуют у вертикальной ориентации ладони.

Как мы уже писали выше, ориентация ладони вверх восходит к типу касания 'держат что-л. в ладони' или 'просить положить что-л. в ладонь'. Следовательно, объект, находящийся в ладони, располагается на расстоянии от субъекта указания, которое не может превосходить длины вытянутой руки говорящего. Соответственно, указание ладонью вверх предполагает нахождение объекта указания на небольшом расстоянии от точки расположения субъекта указания. Естественно, что такая внутренняя форма указательных жестов с ориентацией ладони вверх способствует их тяготению к близким указаниям.

С другой стороны, ориентация ладони вниз задает некоторую плоскость, территорию (см. об этом выше, раздел 1.2), что может вносить в жест, включающий в себя ориентацию ладони вниз, идею расстояния. Естественно считать, что для передачи идеи отдаленности такая ориентация ладони подходит больше, чем нулевая, нейтральная вертикальная ориентация или предназначенная для ближнего указания ориентация ладони вверх. Мы предполагаем, что именно эти факторы способствуют предпочтению сочетания ОЛ + 'ладонь вверх' для передачи близости объекта указания и сочетания УП + 'ладонь вниз' для передачи идеи его отдаленности.

В пользу такой трактовки говорит еще одно обстоятельство. Вернемся еще раз к таблице 4, в которой были приведены данные о связи между органом указания и ориентацией ладони. Обратим внимание на то, что экстраполированная дельта, описывающая указательные жесты с вертикальной ориентацией ладони, выглядит здесь несколько необычно по сравнению с тем, к чему мы уже успели привыкнуть: $\Delta_E = 0,23$, а не нулю, как во всех случаях, рассмотренных до сих пор, и тех, которые еще будут рассмотрены ниже; т.е. в этой таблице, содержащей все данные, на которых построена настоящая статья, показано, что вертикальная ориентация ладони имеет предпочтительную связь с указанием пальцем. В чем здесь дело? Для прояснения воспользуемся еще раз разделением на близкие и дальние дейксисы и посмотрим, как обстоят дела с вертикальной ориентацией ладони (табл. 11).

Таблица 11

Ближние дейксисы (вот, тут, это, этот)				
Орган Ориентация ладони	УП	ОЛ	Δ_N	Δ_E
вверх	17	285	-0,89	0,70
вертикально	158	102	0,22	0,41
вниз	100	19	0,68	0,87
$\chi^2 = 290,6$ $p < .001$; параметры связаны, распределения достоверны				
Дальние дейксисы (вон, здесь, там, тот)				
Орган Ориентация ладони	УП	ОЛ	Δ_N	Δ_E
вверх	15	97	-0,73	-0,98
вертикально	106	62	0,26	0,01
вниз	187	25	0,76	0,51
$\chi^2 = 175,2$ $p < .001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Мы видим, что если дальние дейкисы ведут себя вполне стандартно: вертикальная ориентация ладони никак не связана с выбором органа указания (на дальний объект в равной мере может указывать как открытая вертикально ориентированная ладонь, так и указательный палец в сочетании с вертикально ориентированной ладонью – экстраполированная дельта практически равна нулю (0,01)), то близкие дейкисы при вертикально ориентированной ладони демонстрируют заметное тяготение к указанию пальцем (экстраполированная дельта 0,41). Какое объяснение этому факту можно предложить?

Дальние дейкисы предъявляют к своему жестовому сопровождению требование каким-то образом отражать в жесте удаленность объекта указания. Эта удаленность может быть отражена как указанием пальцем (схема «отрезок»), так и ориентацией ладони вниз (обозначающей ‘территорию’, ‘плоскость’, ‘пространство’, а значит, и расстояние). Если эти два способа жестового выражения расстояния складываются, т.е. в случае указания УП + ‘ладонь вниз’, мы имеем дело с кумулятивным эффектом, когда два разных компонента одного и того же жеста выражают одну и ту же идею. Для близких дейкисов потребности в таком кумулятивном эффекте нет, поскольку нет необходимости отражать удаленность, расстояние. Как следствие, указание пальцем «открепляется» от горизонтально ориентированной ладони и свободно (т.е. под влиянием других факторов, а не фактора расстояния) распределяется между ориентацией ладони вниз и вертикальной ориентацией ладони, что естественным образом ведет к росту количества указаний УП + ‘ладонь вертикально’. Более того, если мы обратим внимание на указание с ориентацией ‘ладонь вверх’, то мы увидим, что у близких дейкисов сочетание УП + ‘ладонь вверх’ встречается чаще, чем у дальних дейкисов (экстраполированная дельта у близких дейкисов –0,7 против –0,98 у дальних дейкисов). Это также является следствием открепления указания пальцем от ориентации ладони вниз и, соответственно, проникновения указания УП в другие ориентации ладони.

Ниже мы еще раз вернемся к этому вопросу и приведем дополнительные данные в пользу того, что ориентация ладони вниз при выражении отдаленности объекта указания восходит к идее плоскости–территории–пространства, а следовательно, расстояния, см. раздел 2.3.2).

2.2.4. Единичность и множественность объекта указания

В цитированной выше работе [Крейдлин 2007] утверждалось, что на выбор конфигурации указательного жеста влияет **единичность / множественность** объекта указания. Наш материал (объектные дейкисы *вот, вон, тот, это, этот*) показал следующие распределения (табл. 12).

Как видим, связь между органом и единичностью / множественностью объекта существует, но сравнительно слабая по сравнению с предшествующими параметрами (уровень ошибки .025 на фоне .001 и .005 в предшествующих распределениях); кроме того, дельта показывает очень слабую контрастность этой связи: множественный объект предпочитает указание открытой ладонью, но это предпочтение практически не выражено (интервал всего лишь $|0,16|$)²⁹.

Вторая часть таблицы 12 показывает, что связи между ориентацией ладони и параметром единичности / множественности обнаружить не удалось.

Таким образом, конфигурация открытой ладони, похожая на ту, которая была зафиксирована Д. Уилкинсом в языке аренте для указания на множественный объект, совокупность (см. рис. 9), характерна и для русской жестикуляционной системы, однако если в языке аренте этот жест, судя по данным Д. Уилкинса, связан с ориентацией

²⁹ Возможно, какие-то новые грани этой зависимости открылись бы, если бы мы исследовали каждый дейкис отдельно, но для этого у нас решительно недостаточно материала, и данные окажутся недостоверными уже по одной этой причине.

Таблица 12

Орган	Единичность/ множественность	объект как совокупность	единичный объект	Δ_N	Δ_E
	УП	39	208	-0,68	-0,08
	ОЛ	56	178	-0,52	0,08
$\chi^2 = 5,0$ $p \leq .025$; параметры связаны, распределения достоверны					
Ориентация ладони	Единичность/ множественность	объект как совокупность	единичный объект	Δ_N	Δ_E
	вверх	34	138	-0,60	0,00
	вертикально	41	138	-0,54	0,06
	вниз	20	110	-0,69	-0,09
$\chi^2 = 2,7$, параметры не связаны, распределения недостоверны					

ладони вниз, то в русской жестикуляции для выражении идеи совокупности важен орган указания (открытая ладонь), а не ориентация ладони:

(33)

Речевой ряд	Смотри, о Волька! Все это твое!	И слоны,	и верблюды,	и лошади,	и ослы	и все чем заполнены эти мешки!	Эти люди, состоящие при грузах и животных,	все это твое!
Жестовый ряд	ОЛ+ладонь вверх	ОЛ+ладонь вверх	ОЛ+вверх	ОЛ+вертикально	ОЛ+вверх	ОЛ+вверх	ОЛ+вертикально, ОЛ+вниз	ОЛ+вверх

Г. Казанский, Л. Лагин. Старик Хоттабыч, 1956

Внутренняя форма этого жеста достаточно очевидна и вполне иконична: один палец изображает один объект (схема «точка»), участие же в жесте всех пальцев передает идею «много». Поскольку в формировании внутренней формы жеста принимают участие только пальцы, неучастие в ней ориентации ладони легко объяснимо.

2.2.5. Объект указания как тема и как рема

Еще одно семантическое различие, имеющееся между проанализированными дейктическими словами и важное с жестикуляционной точки зрения, касается дейксисов *вот* и *это*. И *вот*, и *это* используются в конструкциях идентификации:

(34)

Речевой ряд	Егор, я не пойму, что это у вас на каждой ограде замки висят.	Вот амбарный.
Жестовый ряд		указание ОЛ на висящий замок

И. Щеголев, Л. Корсунский. Американский дедушка, 1994

(35)

Речевой ряд	– Ну не понимаю я, какое отношение имеет эта звезда к этой книге!	– Это каталог!
Жестовый ряд		указание УП на лежащую на столе книгу

М. Козаков, А. Хмелик. Безымянная звезда, 1978

Обратим внимание на то, что в примерах (34)–(35) конструкции идентификации с *вот* и с *это* устроены противоположным образом.

Это-идентификация предполагает, что объект указания (в примере (35) – книга) находится в общем для говорящего и слушающего поле внимания, а событие идентификации состоит в том, что говорящий подводит данный предмет под некоторую категорию и тем самым присваивает объекту указания имя. Таким образом, при идентификации с помощью местоимения *это* данным, темой является объект указания, а новым, ремой – его имя.

Напротив, *вот*-идентификация основана на том, что категория, к которой относится объект указания, т.е. его имя, уже так или иначе введено в предтексте³⁰ (в примере (34) имя *замок* введено до указания на конкретный амбарный замок). В этом случае событие идентификации состоит в том, что для уже активированного в предтексте имени указывается конкретный предмет, относящийся к названной этим именем категории. Таким образом, при идентификации с помощью частицы *вот* данным, темой является имя объекта указания, а новым, ремой – объект указания, т.е. внеречевой объект (ситуация или предмет).

В случае *это*-идентификации мы имеем дело с категоризацией предмета, а в случае *вот*-идентификации – с экземпляризацией категории, имени. Кроме того, в случае *это*-идентификации обе части идентифицирующего равенства имеют понятийную и, следовательно, речевую природу: именем-темой является пока еще неопределенное местоимение *это*, а именем-ремой – категория, под которую *это* подводится. Напротив, в случае *вот*-идентификации части идентифицирующего равенства гетерогенны: тема является понятием, т.е. речевым объектом, а рема – внеречевым объектом (объектом или ситуацией), иллюстрирующим речевую тему.

С тем фактом, что в конструкциях *это*-идентификации обе части имеют речевую природу, по-видимому, связано то, что *это*-идентификация легко включает в себя отрицание:

(36а) *Это не мой брат.*

(36б) *Не это мой брат.*

Напротив, поскольку в конструкциях *вот*-идентификации рема имеет неречевую природу, включение в эту конструкцию отрицания возможно, но бессмысленно. Фраза (36в)

(36в) *Вот не мой брат*³¹.

означает, что в предтексте было введено имя *не мой брат*, т.е. отрицание относится не к объекту указания, а включено в имя, которое предшествует акту указания. Такое несимметричное поведение отрицания связано с тем, что, как нам уже приходилось писать в работе о русских *да* и *нет* [Гришина 2011в], в предметном мире отрицание отсутствует,

³⁰ О том, что *вот* является анафорическим дейксисом, отсылающим к предтексту или к предситуации, см. [Гольдин 1998] и [Гришина 2008].

³¹ Фраза **Не вот мой брат* невозможна ввиду отсутствия у частицы *вот* ассертивной зоны значения.

отрицание – чисто речевое явление, а следовательно, легко включается в гомогенную, чисто речевую *это*-идентификацию и с трудом – в гетерогенную по своей природе *вот*-идентификацию: можно построить отрицание к имени внеречевого объекта, но нельзя отрицать сам внеречевой объект.

Итак, в идентификации *Это X* темой является *это*, а ремой – *X*. Естественно поэтому, что к *это*-идентификации можно легко построить частный вопрос *Что это?*, *Это кто?*, где *это* продолжит оставаться темой, а в качестве ремы выступают вопросительные слова *что?* и *кто?*

В идентификации *Вот X* темой является *X*, ремой – внеречевой объект идентификации. Поскольку, однако, внеречевой объект не может служить составной частью высказывания и, кроме того, законченное высказывание не может состоять из одной темы, то «ремозаместителем», «квази-ремой», «предремой» в *вот*-идентификациях выступает частица *вот*. Как следствие, построение частных вопросов к *вот*-идентификациям ведет к тому, что в этих вопросах оказывается две ремы и ни одной темы: **Что вот?* **Вот кто?*, а следовательно, такие конструкции невозможны (вернее, возможны, но только в том случае, если *вот* является цитированием предшествующего высказывания собеседника).

Заметим, что *это*- и *вот*-идентификации широко используются не только по отношению к внеречевым объектам, но и как «объектно-независимые» языковые конструкции.

(37) *Пробки – это беда большого города* [О. Зуева. Скажи что я тебе нужна... // «Даша», № 10, 2004];

(38) *Объемная завивка – вот секрет этой задорной прически* [Укладки для весенних дней: да здравствуют перемены! // «Даша», № 10, 2004].

Однако и в этих конструкциях, в которых обе части идентификации являются понятиями и, соответственно, именами, т.е. имеют одну и ту же речевую природу, сохраняются исходные характеристики *это*- и *вот*-идентификаций.

В *это*-идентификациях мы имеем дело со стандартной структурой фразы: первая именная группа вводит тему, вторая – ремой, местоимение *это* маркирует начало ремы. Поскольку в *это*-идентификациях обе именные группы, и тема, и рема, имеют речевую природу, они легко меняются местами относительно местоимения *это*:

(37а) *Беда большого города – это пробки.*

В случае если обе именные группы в *это*-идентификациях являются конкретными (предметными) существительными, возможно возникновение высказывания, дискуссионного с точки зрения содержания, но абсолютно правильного лингвистически:

(39) *И все же Норвегия – это лососина* [Рецепты национальных кухонь: Скандинавская кухня (2000–2005)];

(39а) *И все же лососина – это Норвегия.*

Что касается *вот*-идентификаций, то это высказывания с двумя ремами – первая именная группа является ремой, вводящей некоторый объект (в устной речи этому соответствует акт введения реального внеречевого объекта в зону внимания слушающего), *вот* является речевой квази-ремой, вводящей этот внеречевой объект в высказывание, а вторая именная группа – темой (это категория, имя, примером которых выступит объект, введенный первой ремой). В связи с такой структурой фразы первая и вторая именные группы в *вот*-идентификациях должны быть разного уровня абстракции (первая именная группа – менее абстрактная, чем вторая), и, кроме того, рема должна всегда предшествовать теме, поскольку именно это предшествование вводит в поле внимания слушающего то понятие, которое будет далее идентифицировано с помощью *вот*.

Вследствие этих двух причин именные группы в *вот*-идентификациях не могут меняться местами:

(376) *Пробки – вот беда большого города vs. *Беда большого города – вот пробки.*

Кроме того, в случае если обе именные группы являются конкретными именами (т.е. различия в степени абстрактности между ними нет), мы имеем дело с бессмысленными высказываниями:

(396) **И все же Норвегия – вот лососина. *И все же лососина – вот Норвегия.* –

здесь Норвегия трактуется как конкретный пример лососины, или, наоборот, лососина – как конкретный пример Норвегии.

Посмотрим, отражается ли на нашем материале описанное различие между идентификацией с помощью *это* и идентификацией с помощью *вот* (табл. 13).

Таблица 13

Орган указания \ Дейксис	<i>вот</i>	<i>это</i>	Δ_N	Δ_E
УП	51	74	-0,18	-0,18
ОЛ	125	105	0,09	0,10
$\chi^2 = 5,94$ $p \leq .025$; параметры связаны, распределения достоверны				
Орган указания \ Дейксис	<i>вот</i>	<i>это</i>	Δ_N	Δ_E
<i>вверх</i>	94	82	0,07	0,08
<i>вертикально</i>	58	70	-0,09	-0,09
<i>вниз</i>	24	27	-0,06	-0,05
$\chi^2 = 2,09$ параметры не связаны, распределения недостоверны				

Как видим, ориентация ладони никак не связана с различием *вот*- и *это*-идентификаций. Что касается органа указания, то мы можем видеть предпочтение указания ОЛ в случае *вот*-идентификации и указания УП в случае *это*-идентификации.

Различие между разными типами жестосопровождения *вот*- и *это*-идентификаций, как видим, не слишком контрастное – вес параметра $[0,28]$. Такая слабая контрастность при очевидной достоверности распределений вызвана, с нашей точки зрения, тем, что в случае *вот*- и *это*-идентификаций на выбор жеста влияют два фактора, ориентированных противоположным образом.

С одной стороны, в случае *это*-идентификаций мы имеем дело с ситуацией, когда объект указания не определен (в случае вопроса *Что это?*) или определяется самим фактом произнесения *это*-идентификации (*Это X*). Напротив, в *вот*-идентификациях объектом указания является вполне определенный внеречевой объект (предмет или ситуация), который приводится в качестве примера того или иного класса объектов. Следовательно, здесь действует описанный выше фактор (не)определенности, который в *это*-идентификациях требует указания ОЛ, а в *вот*-идентификациях – указания УП.

С другой стороны, в случае *это*-идентификации объектом указания является некоторое точечное, не имеющее объема и не развивающееся во времени понятие *это*, а в *вот*-идентификациях объект указания – это реальный внеречевой объект, расположенный в трех измерениях и (в случае, если это ситуация) развивающийся во времени. Следовательно, здесь на выбор указательного жеста влияет противопоставление понятийного объекта-точки (требует указания УП) и четырехмерного (три пространственных измерения и одно временное) реального объекта (требует указания ОЛ).

Судя по нашим данным, определяющим в данном случае является второй фактор, но влияние первого фактора достаточно сильно, чтобы существенно понизить контрастность жестикуляционного противопоставления двух типов идентификаций.

В принципе, описанное выше противопоставление *вот*- и *это*-идентификаций вообще можно было бы не рассматривать как недостаточно показательное, однако именно это противопоставление играет большую роль в случае автодейксиса, т.е. в ситуации, когда говорящий указывает на самого себя (см. [Гришина 2012б]), поэтому мы сочли необходимым привести в этой статье соответствующие данные.

2.2.6. Зависимость структуры указательного жеста от размера объекта

Проанализируем зависимость структуры указательного жеста от **размера объекта**. Будем рассматривать только крайние точки противопоставления: мелкий объект (40) vs. крупный объект (41).

(40)

Речевой ряд	<i>Пуговицы как не было, так и нет.</i>	<i>Вон уже вторая на ниточке болтается.</i>
Жестовый ряд		УП+ладонь вертикально

Т. Берсзанцева и др. Старомодная комедия, 1978

(41)

Речевой ряд	<i>Это моя дача!</i>
Жестовый ряд	ОЛ+ладонь вертикально

Э. Рязанов, Э. Брагинский. Берегись автомобиля, 1966

Распределения имеют следующий вид (табл. 14).

Таблица 14

Размер объекта		мелкий	крупный	Δ_N	Δ_E
Орган	УП	62	23	0,46	0,13
	ОЛ	16	16	0,00	-0,33
$\chi^2 = 5,5$ $p \leq .019$; параметры связаны, распределения достоверны					
Размер объекта		мелкий	крупный	Δ_N	Δ_E
Ориентация ладони	вверх	17	12	0,17	-0,16
	вертикально	36	10	0,57	0,23
	вниз	25	17	0,19	-0,14
	$\chi^2 = 4,6$, параметры не связаны, распределения недостоверны				

Как видим, выбор органа, которым осуществляется указательный жест, зависит от размера объекта. Для указания на мелкие предметы предпочтительно указание пальцем, кончик которого символизирует точку, к которой приравнен мелкий объект (схема «точка»); для указания на крупные объекты предпочтительно указание открытой ладонью – по тому же принципу, по которому открытая ладонь выбирается для указания на

ситуацию, а не на объект. Таким образом, мелкий объект трактуется как точка, а крупный – как тело, имеющее объем. Достоверность этой связи несколько ниже, чем достоверность большинства предшествующих распределений, однако контрастность распределений вполне показательна ($|0,46|$). С ориентацией ладони, согласно нашим данным, размер объекта указания никак не связан.

В заключение раздела отметим, что нами была проанализирована связь указательного жеста с вертикальным **расположением объекта** относительно говорящего (*вровень, выше, ниже*). Нам не удалось заметить никакой достоверной связи между конфигурацией указательного жеста и расположением объекта на вертикальной оси.

2.3. Прагматические факторы

2.3.1. Контрастное / нейтральное указание

Близким к значению (не)определенности являются значения контрастного и нейтрального указания. Определенность данного референта вычленяет его из некоторого предметного или событийного континуума, а неопределенность предполагает его принадлежность континууму. А если референт уже определен, то он может быть выделен еще больше, если его поместить в контрастный контекст ('не X, а Y').

В связи с вышесказанным следует ожидать, что речевые дейксисы в контрастных контекстах с большей частотой будут сопровождаться указанием УП, а дейксисы в нейтральных контекстах – указанием ОЛ (в работе [Kendon, Versante 2003] эта закономерность описывалась более общим утверждением – указание УП сопровождает объект указания, который является центральным топиком фразы).

- Контрастными контекстами для указательных слов мы будем считать следующие:
- изолированные указания (*Этот. Там. Вот.*); изолированным также считается указание, расположение не только внутри границ реплики или между межфразовыми паузами, но и между внутрифразовыми паузами (*Да, конечно, вон, за углом*);
 - указательные слова, подпадающие под эмфатическое выделение (*Это еще что?, Этот чемодан, что ли?*);
 - указательные слова, включенные в контрастные конструкции с частицами *а, вот* и *-то* (*а вон, а этот, это вот, вот там, этот-то, здесь-то*)³².

Все остальные контексты мы считаем нейтральными.

Вполне ожидаемым образом наш материал показывает, что наиболее стандартными являются сочетания указания УП с контрастными контекстами (пример (42)) и указания ОЛ – с нейтральными контекстами (пример (43)).

(42)

Речевой ряд	<i>А вот в том доме</i>	<i>когда-то Пушкин жил.</i>
Жестовый ряд	указание УП, ориентация ладони вниз	

Г. Данелия, Г. Шпаликов. Я шагаю по Москве, 1963

³² Из дальнейшего анализа контрастных контекстов выведены данные по указательной частице *вот*. Это связано с тем, что в нейтральном (= безударном) употреблении эта частица примыкает к последующему или предшествующему слову (см. подробнее [Гришина 2008]), и, следовательно, мы не можем судить, к чему именно в такого рода сочетаниях относится указательный жест – к безударной частице *вот* или к слову, к которому она примыкает (в частности, в дальнейшем мы считаем, что в конструкциях двойного дейксиса типа *вот там вот, вот здесь, вот этот вот, вот это вот* указательный жест, если он есть, сопровождает не частицу *вот*, а основной ударный смысловой дейксис *там, здесь, этот, это* и т. п.). В результате в нашем материале все случаи жестикуляционного сопровождения частицы *вот* являются ударными и контрастными.

(43)

Речевой ряд	<i>Ну что,</i>	<i>опять э т о т и д и о т</i>	<i>летать хочет, композитор!</i>
Жестовый ряд		указание ОЛ, вертикальная ориентация ладони	

Ю. Мамин, В. Вардунас. Фонтан, 1988

Количественные распределения соответствующих жестов и контекстов показаны в табл. 15.

Таблица 15

Орган \ Контрастность	контрастные контексты	нейтральные контексты	Δ_N	Δ_E
<i>УП</i>	321	211	0,21	0,23
<i>ОЛ</i>	165	300	-0,29	-0,27
$\chi^2 = 61,3 \text{ } p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, контрастные контексты отчетливо тяготеют к указанию пальцем, а нейтральные контексты – к указанию открытой ладонью.

Обратим внимание на то, что дистанция между экстраполированными дельтами в табл. 15 ($|0,5|$) заметно меньше, чем дистанция между экстраполированными дельтами в табл. 5 ($|1,73|$), т.е. распределение указательных жестов (УП vs. ОЛ) в соответствии с определенностью / неопределенностью именной группы более выражено, чем распределение указательных жестов в соответствии с контрастной / нейтральной именной группой. Это связано с тем, что указательные местоимения и местоименные наречия, жестикуляционное сопровождение которых является предметом нашего исследования, все являются определенными. Таким образом, противопоставление контрастных и нейтральных употреблений местоимений является противопоставлением в пределах зоны определенности. Представляется, что именно это уменьшает контраст между дельтой, соответствующей УП, и дельтой, соответствующей ОЛ.

Чтобы быть последовательными, далее нам следует определить, связано ли с параметром контрастности распределение указательных жестов уже не по параметру ‘орган’, а по параметру ‘ориентация ладони’. Результат (табл. 16) оказывается достаточно неожиданным.

Таблица 16

Ориентация ладони \ Контрастность	контрастные контексты	нейтральные контексты	Δ_N	Δ_E
<i>вверх</i>	104	220	-0,36	-0,33
<i>вертикально</i>	185	185	0,00	0,03
<i>вниз</i>	197	106	0,30	0,33
$\chi^2 = 68,3 \text{ } p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Таблица 8 демонстрирует:

- 1) в отличие от параметров ‘(не)определенность’ (см. табл. 6), параметры ‘контрастное’ / ‘нейтральное’ связаны с ориентацией ладони;
- 2) вертикальная ориентация ладони «нечувствительна» к разнице между контрастными и нейтральными контекстами и с равной вероятностью может встретиться как в одном, так и в другом типе конструкций (дельта практически равна нулю);
- 3) указательные жесты, в которых ладонь ориентирована вверх, тяготеют к нейтральным контекстам;

4) указательные жесты с ладонью, обращенной вниз, тяготеют к контрастным контекстам.

Если указание на объект, выделенный из нерасчлененного континуума с помощью пальца, достаточно легко объясняется внутренней формой указания УП (отмеченным, выделенным положением кончика указательного пальца, который иконически отображает выделенный контрастной конструкцией объект указания, схема «точка»), то связь с контрастным указанием ориентации ладони уже не столь очевидна.

Обратим внимание на то, что понятие контрастного выделения, эмфазы в широком смысле, имеет в качестве обязательного прагматический компонент: контрастно выделяя тот или иной элемент в высказывании, говорящий предполагает привлечь к нему внимание слушающего. Как мы уже писали выше, жесты, включающие в себя компонент 'ладонь вниз' и обращенные к лицу, а не направленные на предмет, передают значение 'заставить', 'потребовать'. Эти значения легко сочетаются с контрастными контекстами: используя последние, говорящий пытается заставить адресата обратить внимание на соответствующий дейксис. Если это так, то тяготение ориентации ладони вниз к контрастным контекстам становится вполне объяснимым.

Таким образом, если контрастные указания привязаны к ориентации ладони вниз, то в распоряжении нейтральных указаний остаются две возможности: вертикальная ориентация ладони и ориентация ладони вверх. Как мы уже неоднократно упоминали, вертикальная ориентация ладони не имеет самостоятельного значения и с семиотической точки зрения фактически не существует. Поэтому если говорящий хочет сохранить (или подчеркнуть) противопоставление контрастного и нейтрального контекста, то он должен выбрать в качестве второго члена противопоставления не отсутствие признака, а признак с иным значением. Именно этим, по-видимому, объясняется предпочтение ориентации ладони вверх в нейтральных контекстах.

Что касается вертикальной ориентации ладони, поскольку она не имеет самостоятельного значения, то, соответственно, на фоне вертикальной ладони с равной долей вероятности может быть выбрано как указание пальцем, так и указание ладонью, что и приводит к нулевому значению соответствующей дельты.

2.3.2. Указательные жесты и типы речевых актов

Предшествующий раздел подготовил нас к тому, что указательный жест может быть каким-то образом связан с тем типом речевого акта, который он сопровождает. Про-

Таблица 17

Орган / Тип речевого акта	УП	ОЛ	Δ_N	Δ_E
вопрос	98	94	0,02	0,09
утверждение	388	461	-0,09	-0,02
$\chi^2 = 1,8$; параметры не связаны, распределения недостоверны				
Орган / Тип речевого акта	УП	ОЛ	Δ_N	Δ_E
императив	97	34	0,48	0,49
утверждение	388	461	-0,09	-0,08
$\chi^2 = 36,5$ $p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				
Орган / Тип речевого акта	УП	ОЛ	Δ_N	Δ_E
вопрос	98	94	0,02	-0,19
императив	97	34	0,48	0,27
$\chi^2 = 17,2$ $p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				

верим это предположение. Разделим все имеющиеся в нашем распоряжении высказывания, которые сопровождаются указательными жестами, на три основные группы – утверждения, вопросы и императивы. Проверим сначала соотношение указательных жестов с тем или иным типом речевого акта с точки зрения выбранного говорящим органа указания (см. табл. 17).

Таблица 17 свидетельствует о том, что вопросы и утверждения ведут себя одинаково по отношению к органу указания: этот параметр не значим для их различения. Что касается императивов, то они предпочитают указание пальцем и по сравнению с утверждениями, и по сравнению с вопросами. Таким образом, указание пальцем является отчетливо императивным указательным жестом; что касается вопросов и утверждений, то в них выбор органа указания происходит не под влиянием типа иллюкуции, а под влиянием каких-то иных факторов, не имеющих отношения к общепрагматической характеристике высказывания.

Данные по типам речевых актов и выбору ориентации ладони в указательном жесте хорошо видны из табл. 18.

Таблица 18

Тип речевого акта Ориентация ладони	утверждение			
	утверждение	вопрос	Δ_N	Δ_E
вверх	320	76	0,62	-0,01
вертикально	307	74	0,61	-0,02
вниз	222	42	0,68	0,05
$\chi^2 = 1,5$; параметры не связаны, распределения недостоверны				
Тип речевого акта Ориентация ладони	императив			
	утверждение	императив	Δ_N	Δ_E
вверх	320	21	0,88	0,14
вертикально	307	47	0,73	0,00
вниз	222	63	0,56	0,17
$\chi^2 = 34,1$; $p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				
Тип речевого акта Ориентация ладони	вопрос			
	вопрос	императив	Δ_N	Δ_E
вверх	76	21	0,57	0,38
вертикально	74	47	0,22	0,03
вниз	42	63	-0,20	-0,39
$\chi^2 = 31$; $p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				

Таблица 18 показывает, во-первых, что вертикальная ориентация ладони не связана с типом речевого акта – во всех трех распределениях экстраполированная дельта имеет практически нулевое значение. Во-вторых, вопросы и утверждения в отношении выбора ориентации ладони ведут себя одинаково: ориентация ладони в вопросах и утверждениях определяется не типом речевого акта, а какими-то иными, внешними параметрами. Напротив, императив показывает контрастное поведение и на фоне вопросов, и на фоне утверждений, причем характер этого контраста один и тот же в обоих случаях.

Таким образом, можно подытожить, что для императива, по сравнению с вопросами и утверждениями, характерны указания УП и ориентация ладони вниз; напротив, для вопросов и утверждений, по сравнению с императивами, характерны указания открытой ладонью, ориентированной вверх.

В заключение этого раздела обратим внимание на то, что, согласно нашему исследованию, ориентация ладони вниз в составе жеста передает две существенно разные идеи – идею территории, располагающейся под обращенной к земле ладонью, и идею жесткой императивности (что отражается в предпочтении ориентации ладони вниз в императивах и в контрастных контекстах). На первый взгляд кажется, что это чисто умственное построение, вызванное необходимостью как-то объяснить полученные статистические данные. Однако, как представляется, есть и объективные свидетельства того, что у ориентации ладони вниз есть два типа значений – топологическое, «территория» (или «расстояние»), и прагматическое («императив»).

До сих пор мы не обсуждали, как влияет взаимное расположение собеседников в пространстве на осуществление указательных жестов. Это отдельная большая тема, которую мы можем затронуть здесь только вскользь. Будем различать исходное, или базовое, расположение тел участников диалога, когда они расположены параллельно друг другу, перпендикулярно земле, а указательный жест осуществляется под более или менее прямым углом к телу говорящего (рис. 18).

Рис. 18³³

Поскольку, как мы уже установили выше, структура указательного жеста равнодушна к расположению объекта указания по вертикальной оси, указательный жест УП + 'ладонь вниз' вполне может быть направлен под ноги говорящему (см. рис. 19).

Рис. 19³⁴

³³ Х. Бидструп, фрагмент миниатюры «Спасение утопающих».

³⁴ Х. Бидструп, фрагмент миниатюры «Брызги».

Указание на рис. 19 может быть как императивным, так и, например, просто утвердительным. В первом случае мы можем считать, что ориентация ладони вниз передает значение императивности, а во втором – значение территории, расположенной под ногами у говорящего. Материал показывает, что имеется сильная тенденция различать императивное и утвердительное указание в этом случае с помощью двух разных конфигураций указующей руки. В первом случае, т.е. в случае императива, рука будет сохранять привычную нам конфигурацию УП + ‘ладонь вниз’, но направлена она будет не перпендикулярно телу говорящего, а вниз, при этом ладонь будет обращена не к земной поверхности, а к телу говорящего; см. примеры (44)–(45):

(44)

Речевой ряд	<i>Ну так что ж мы стоим? Отец Фома, ну-ка скоро ее сюда, скорее ветра!</i>	<i>Одна нога здесь</i>	<i>другая там!</i>
Жестовый ряд		императивное указание вниз, см. рис. 19	

П. Лунгин, Ю. Арабов. Дело о мертвых душах, 2005

(45)

Речевой ряд	<i>А докажите! – Где?</i>	<i>– А здесь, сейчас!</i>
Жестовый ряд		императивное указание вниз, см. рис. 19

Т. Березанцева и др. Старомодная комедия, 1978

Во втором случае, т.е. в утвердительном высказывании, рука принимает совершенно другую форму: ладонь остается параллельной земле, а палец направляется вниз, оказываясь перпендикулярным ладони (рис. 20, пример (46)):

Рис. 20

(46)

Речевой ряд	<i>Товарищ господин начальник, я не хочу.</i>	<i>Я хочу здесь.</i>	<i>Не надо посылать меня на этот, на хаус.</i>
Жестовый ряд		утвердительное указание вниз, см. рис. 20	

А. Сурикова, В. Еремин. Хочу в тюрьму!, 1998

Таким образом, можно предположительно утверждать, что в случае, если ладонь обозначает не императивность, а территорию, расположенную под ладонью, т.е. имеет значение ‘территория’, ‘расстояние’, ‘дистанция’, она имеет абсолютную ориентацию, т.е. зависит не от взаимного расположения говорящего, слушающего и объекта указания, но всегда ориентирована параллельно земле как абсолютному мерилу отсчета. В случае же, если ладонь, обращенная вниз, выражает императивность, ее ориентация именно вниз свойственна только исходному, базовому расположению собеседников и указующей руки (см. рис. 18). Если расположение отклоняется от базового, собеседники автоматически «пересчитывают» свое реальное расположение, приводя его мысленно к исходному (см. рис. 21), и только в таком исходном положении собеседников,

полученном в результате мысленного пересчета, «императивная» ладонь имеет ориентацию вниз. В реальной же ситуации общения (до пересчета) императивная ладонь не обязательно расположена горизонтально.

Рис. 21

Таким образом, мы полагаем, что описанное выше различие между указательными жестами на рис. 18 и 19 объясняется тем, что в значении ‘территория’, ‘расстояние’ ладонь ориентирована относительно земной поверхности, которая является одним из незыблемых мерил отсчета в бытовой коммуникации, а в значении жесткого императива ладонь ориентирована на базовое расположение собеседника относительно говорящего, т.е. имеет относительную ориентацию. Разные конфигурации указующей руки в этих двух случаях отражают различие между абсолютной и относительной (коммуникативной, прагматической) ориентацией ладони.

2.4. Социологические факторы

В работе [Крейдлиן 2007: 325] утверждается, что «совершаемые на близком <...> расстоянии <...> указательные жесты пальцами оцениваются как несанкционированное и негативное (грубое и авторитарное) проникновение в личную сферу и во всех известных нам культурах осуждаются». Это утверждение заставляет нас предполагать, что влияние на выбор конфигурации указующей руки могут оказывать и социологические факторы. Первоначально мы ставили вопрос следующим образом: зависит ли конфигурация указательного жеста от того, на кого направлен жест – на лицо или на неодушевленный предмет (ситуацию и т.п.). Априори мы полагали, что указание на лицо должно давать иные статистические распределения, чем указание на неодушевленный объект. Данные можно увидеть в табл. 19.

Таблица 19

Орган / Одушевленность объекта	Одушевленность объекта		Δ_N	Δ_E
	неодушевленный	одушевленный		
ОЛ	268	143	0,30	-0,04
УП	261	113	0,40	0,05
$\chi^2 = 1,9$; параметры не связаны, распределения недостоверны				
Орган / Одушевленность объекта	Одушевленность объекта		Δ_N	Δ_E
	неодушевленный	одушевленный		
вверх	198	102	0,32	-0,03
вертикально	199	106	0,30	-0,04
вниз	132	48	0,47	0,12
$\chi^2 = 3,8$; параметры не связаны, распределения недостоверны				

Как видим, все распределения недостоверны. Следовательно, можно утверждать, что параметр ‘одушевленность объекта указания’ и конфигурация указательного жеста не связаны между собой.

Поставим, однако, вопрос по-другому: имеет ли влияние на конфигурацию указания тот факт, что объект указания является лицом, и это лицо видит, что на него направлен указательный жест. При такой постановке вопроса данные распределяются следующим образом (табл. 20).

Таблица 20

Орган \ Осведомленность	объект указания видит указательный жест	объект указания не видит указательного жеста	Δ_N	Δ_E
ОЛ	90	53	0,26	0,25
УП	38	74	-0,32	-0,33
$\chi^2 = 21,1; p \leq .001$; параметры связаны, распределения достоверны				
Орган \ Осведомленность	объект указания видит указательный жест	объект указания не видит указательного жеста	Δ_N	Δ_E
вверх	62	40	0,22	0,21
вертикально	50	55	0,05	-0,05
вниз	16	32	-0,33	-0,34
$\chi^2 = 10,3; p \leq .005$; параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, картина уже совершенно иная: в случае, если лицо – объект указания видит, что на него обращен указательный жест, говорящий предпочитает указывать на это лицо открытой ладонью, обращенной вверх. В случае же, если лицо – объект указания не видит направленного на него жеста (или, точнее, говорящий полагает, что объект указания не видит, что на него указывают), говорящий предпочитает указание УП + ‘ладонь вниз’.

Тот факт, что говорящий выбирает при указании на лицо между открытой ладонью, обращенной вверх (объект указания видит указательный жест), и указательным пальцем в сочетании с ладонью, обращенной вниз, является чрезвычайно интересным. Ведь если бы в качестве социально осуждаемого жеста выступало только указание пальцем, то говорящему было бы все равно, какую ориентацию ладони выбирать, что приводило бы, как мы уже знаем из предшествующего изложения, к росту указаний пальцем в сочетании с вертикально ориентированной ладонью, а экстраполированная дельта, характеризующая распределение жестов с вертикальной ориентацией ладони, должна была бы отклоняться от нуля. Однако ничего похожего не происходит: вертикальная ориентация ладони характеризуется уже привычной для нас нулевой дельтой, а значит, равной вероятностью выбора между указанием пальцем и рукой.

Таким образом, тот факт, что указание пальцем осознанно осуждается обществом, а ориентация ладони вниз избегается на подсознательном уровне (ребенка учат не показывать пальцем, но ничего не говорят при этом об ориентации ладони), говорит о том, что оба этих жестикуляционных компонента передают одну и ту же идею (по-ви-

димому, идею жесткой императивности), однако один компонент является общественно осознанным (указание пальцем), а второй отвергается бессознательно³⁵.

Отметим также, что нам не удалось обнаружить никаких значимых связей между **полом говорящего** и **типом выбираемого им указательного жеста**.

3. КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ УКАЗАТЕЛЬНОГО ЖЕСТА

Итак, по результатам рассмотрения нашего материала мы можем сделать некоторые выводы, главным из которых является утверждение, что комбинации органа указания и ориентации ладони представляют собой не единый жест, а вертикальные лигатуры, т.е. орган указания и ориентация ладони являются самостоятельными жестикуляционными морфемами, которые могут соединяться для осуществления акта указания. Для того, чтобы такое соединение органа и ориентации ладони осуществилось, орган и ориентация ладони должны иметь некоторые совпадающие семантические компоненты (см. табл. 21).

Таблица 21

Схема	Значение	Орган указания	Ориентация ладони
«точка»	определенность vs. неопределенность	указательный палец vs. открытая ладонь	нерелевантно
	единичность vs. множественность		
	мелкий vs. крупный объект		
	идентификация <i>Это X</i> vs. <i>Вот X</i>		
«отрезок»	дальнее vs. близкое расстояние	указательный палец vs. открытая ладонь	ладонь вниз vs. вверх
«вектор»	контраст vs. нейтральность		
	императив vs. вопрос или утверждение		
«точка» + «вектор»	объект vs. ситуация при первичном вводе в зону внимания слушающего (частицы <i>вон</i> , <i>вот</i>)		

Так, для схемы «точка», т.е. для тех случаев, когда значимым для указательного жеста является только кончик указательного пальца (значение (не)определенности, единичности / множественности, типа идентификации и размера объекта указания), ориентация ладони не имеет никаких сопоставимых семантических компонентов. В результате указание пальцем или ладонью (в соответствии с определенностью или неопределенностью объекта указания, его единичностью или множественностью, *это*- или *вот*-идентификацией, маленьким или большим размером) никак не связывается с той или иной ориентацией ладони, и ориентация ладони выбирается говорящим в результате действия каких-то посторонних факторов.

Напротив, при схемах «отрезок» и «вектор» ориентация ладони включает смысловые компоненты, которые хорошо согласуются с компонентами значения, имеющимися у органа указания:

³⁵ Аналогичная ситуация складывается с запретами на некоторые ударения. Например, трансформации *варИшь* → *вАришь* и *звонИшь* → *звОнишь* представляют собой результат одного и того же акцентологического и семантического процесса в развитии русской акцентологической системы последних двух веков, однако ударение *звОнишь* является социально неприемлемым, а ударение *вАришь* – единственно возможным.

а) идея 'протяженности', которая передается длиной указательного пальца (схема «отрезок»), хорошо коррелирует с идеей пространства, территории, которая передается ладонью, ориентированной вниз; с другой стороны, отсутствие расстояния (= близость) между объектом и субъектом указания, передаваемое указанием открытой ладонью, хорошо согласуется с размещением объекта указания на развернутой вверх ладони, т.е. на расстоянии, не превышающем длину человеческой руки (= близко к субъекту указания);

б) идея 'жесткой императивности', которая передается колющим движением указательного пальца (схема «вектор») и используется для привлечения внимания в контрастных контекстах или в императивных высказываниях, хорошо коррелирует с идеей подавления, требования, которая передается ладонью, ориентированной вниз; напротив, отсутствие императивности, свойственное нейтральным контекстам, вопросам и утверждениям, хорошо сочетается с просящей, приглашающей или аргументирующей ладонью, развернутой вверх.

Сказанное объясняет, почему столь редко встречается в русской жестикуляции указание пальцем в сочетании с ориентацией ладони вверх. Такая конфигурация указующей руки представляет собой оксюморон, поскольку является вертикальной лигатурой, в которой составляющие ее жестикуляционные морфемы не только не поддерживают друг друга, но и строго друг другу антонимичны. Для использования указания такой конфигурации говорящий должен иметь намерение подчеркнуть какой-то из компонентов жеста в ущерб остальным. Так, в примере (47) указательный палец показывает на убегающих из детдома детей, а повернутая вверх ладонь подчеркивает тот факт, что сопровождающая фраза является аргументом, обращенным к воспитательнице (*детей остановить нельзя*).

(47)

Речевой ряд	<i>Да разве такую ораву удержишь? Их ведь</i>	<i>вон сколько!</i>
Жестовый ряд		указание УП+'ладонь вверх'

В. Бычков и др. Достояние Республики, 1971

В примере (48) ладонь, повернутая вверх, подчеркивает, что говорящий осуществляет речевой акт просьбы.

(48)

Речевой ряд	<i>– Руку дай мне. – Зачем? – Ну дай мне руку. Вот эту.</i>	<i>Теперь вот эту.</i>
Жестовый ряд		указание УП+'ладонь вверх'

О. Быčkoвa, Н. Гринштейн. Питер FM, 2006

И, наконец, пример (49) иллюстрирует чрезвычайно интересный случай использования такой оксюморонной конфигурации руки.

(49)

Речевой ряд	<i>Только сеньорита, обещайте мне уступить все права</i>	<i>вот на этого красавчика, а?</i>
Жестовый ряд		указание УП+'ладонь вверх'

М. Григорьев (Гутгарц), Р. Шеридан. Дуэнья, 1978

В этом эпизоде указательный жест направлен на близко расположенный портрет и сопровождает просьбу, поэтому наиболее естественной конфигурацией руки здесь было бы указание открытой и обращенной вверх ладонью. Однако говорящая заменяет в этом жесте указание открытой ладонью на указание пальцем и тем самым удлиняет расстояние между собой и объектом указания (поскольку указательный палец, как мы помним, указывает не на близкий, а на удаленный объект). С помощью такой замены в жест вносится оттенок пренебрежения, недовольства, дистанцирования от объекта указания. Это достаточно частый способ внести оттенок пренебрежения в указательный жест (если можно говорить о частотности в отношении достаточно редкого жеста).

Второе утверждение, которое мы можем сделать достаточно уверенно, заключается в том, что орган указания для семантики указательного жеста имеет определяющее значение, а ориентация ладони – дополнительное, поддерживающее. Иными словами, как это ни банально звучит, но указание осуществляется органом указания, а ориентация ладони подчеркивает те или иные смысловые или прагматические элементы указания. В случае, если говорящий не собирается подчеркивать какие бы то ни было смысловые оттенки дейксиса (контраст, расстояние, тип иллокуции и т. п.), он выбирает нейтральную, вертикальную ориентацию ладони, которая специально предусмотрена для чистого указательного жеста, без сопутствующих смысловых обертонов.

И наконец, чем более субъективный характер имеет фактор, влияющий на конфигурацию указательного жеста, тем сильнее оказываемое этим фактором влияние, т.е. чем более субъективным является данный фактор, тем достовернее и сильнее он связан со структурой указательного жеста. Наименее достоверным образом влияют на жестикуляцию единичность / множественность (см. табл. 12) и размер объекта (см. табл. 14), вообще не влияют на структуру указательного жеста его расположение по вертикальной оси и одушевленность объекта указания (при этом восприятие расположения объекта как близкого / удаленного, вне зависимости от его реального физического расположения, и представление о степени осведомленности лица – объекта указания о том, что оно является объектом указания, вполне достоверно влияют на выбор указательного жеста).

Из этого, по-видимому, следует, что указательный жест является в высшей степени абстрактным знаком, связанным в первую очередь с представлениями говорящего об объекте указания, и лишь во-вторых – с объективными свойствами объекта указания, и выбор структуры указательного жеста производится прежде всего под влиянием представлений говорящего о расположении объекта указания относительно говорящего и слушающего, о категориальных и референциальных свойствах объекта указания и о том, какой тип речевого акта говорящий намерен осуществить.

Исключением является указание открытой ладонью, ориентированной вниз, которое указывает на плоскость, расположенную под ладонью (или на объект, расположенный на такой плоскости), а следовательно, зависит и от формы, и от расположения объекта указания. Именно этой конкретностью указательного жеста такой конфигурации объясняется его относительная редкость. Как самостоятельный жест указание открытой ладонью вниз привязано к физическим свойствам объекта и не может быть отвлечено от него. Но при этом в качестве компонента жеста УП+‘ладонь вниз’ эта ориентация ладони приобретает вполне абстрактное значение и регулярно передает значения ‘протяженности’ и ‘императива’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что данная статья написана на материале, в котором дейктическое значение передавалось одновременно и речевым, и жестикуляционным дейксисом. Однако выявленные закономерности позволяют толковать жестикуляционный дейксис и в том случае, если он не сопровождается речевым дейксисом.

В качестве инструмента толкования может быть использована табл. 22, в которой каждому компоненту указательного жеста поставлен в соответствие некоторый набор возможных значений.

Вертикально ориентированная открытая ладонь не имеет никаких специфических свойств и является в русской жестикуляционной системе наиболее нейтральным (нулевым, немаркированным) указательным жестом, который осуществляет собственно указание и никак не характеризует ни объект указания, ни прагматические намерения говорящего. Табл. 22 позволяет сформировать набор наиболее вероятных значений и для основных лигатур (т.е. комбинаций органа указания и ориентации ладони), см. табл. 23.

Таблица 22

Орган указания	Указательный палец	Открытая ладонь
	определенный объект	неопределенный объект
	объект, а не ситуация	ситуация, а не объект
	объект расположен далеко	объект расположен близко
	объект единичен	объект – множество
	идентификация типа <i>Это X, Что это?</i>	идентификация типа <i>Вот X</i>
	мелкий объект	крупный объект
	контрастное указание	неконтрастное (нейтральное) указание
	императив	вопрос или утверждение
	лицо – объект указания не видит, что на него указывают	лицо – объект указания видит, что на него указывают
Ориентация ладони	Ладонь вниз	Ладонь вверх
	объект расположен ниже говорящего	
	плоскость, расположенная ниже говорящего	
	объект, а не ситуация	ситуация, а не объект
	императив	вопрос или утверждение
	объект расположен далеко	объект расположен близко
	контрастное указание	неконтрастное (нейтральное) указание

Таблица 23

Лигатура	Компонент значения
указательный палец + ориентация ладони вниз 	императив контрастное указание мелкий объект лицо – объект указания не видит, что на него указывают определенный объект объект единичен идентификация типа <i>Это X, Что это?</i> объект расположен далеко объект, а не ситуация
открытая ладонь вверх 	вопрос, просьба, аргумент неконтрастное (нейтральное) указание крупный объект лицо – объект указания видит, что на него указывают неопределенный объект объект – множество идентификация типа <i>Вот X</i> объект расположен близко ситуация, а не объект

	лицо – объект указания не видит, что на него указывают	лицо – объект указания видит, что на него указывают
--	--	---

За рамками статьи осталось рассмотрение особенностей указания большим пальцем, а также анализ таких параметров, связанных со значением указательного жеста, как угол между рукой и телом говорящего при совершении указательного жеста, степень вытянутости руки (прямая – полусогнутая), степень сжатия пальцев под ладонью при указании пальцем. Однако основные параметры, влияющие на выбор указательного жеста, как представляется, нами рассмотрены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гольдин 1998 – В.Е. Гольдин. Заметки о частице «вот» // Лики языка. М., 1998.
- Григорьева и др. 2001 – С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. Словарь языка русских жестов. М.; Вена. 2001.
- Гришина 2008 – Е.А. Гришина. Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи // Инструментарий русистики: корпусные подходы (Slavica Helsingiensia 34). Хельсинки, 2008.
- Гришина 2009 – Е.А. Гришина. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009.
- Гришина 2011а – Е.А. Гришина. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог 2011» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). М., 2011.
- Гришина 2011б – Е.А. Гришина. Закрытые глаза: жестикация, пунктуация, акцентуация // Филология. 2011. № 2.
- Гришина 2011в – Е.А. Гришина. Да в русском устном диалоге // R Ling. 2011. 35. № 2.
- Гришина 2012а – Е.А. Гришина. Здесь и тут: корпусной и жестикационный анализ полных синонимов // Русск. яз. в науч. освещении. 2012. № 1(23).
- Гришина 2012б – Е.А. Гришина. Автодейксис: основные типы и значения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог 2012». М., 2012.
- Крейдлин 2002 – Г.Е. Крейдлин. Невербальная семиотика. М., 2002.
- Крейдлин 2005 – Г.Е. Крейдлин. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.
- Крейдлин 2007 – Г.Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге IIа. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). М., 2007.
- Махов 2011 – А.Е. Махов. Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М., 2011.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
- Bates 1987 – E. Bates, B. O'Connell, C. Shore. Language and communication in infancy // J.D. Osofsky (ed.). Handbook of infant competence. New York, 1987.
- Bressem, Ladewig (forthcoming) – J. Bressem, S. Ladewig (eds.). Handmade patterns. Recurrent forms and functions of gestures. Amsterdam. Forthcoming.
- Butterworth 1995 – G.E. Butterworth. Factors in visual attention eliciting manual pointing in human infancy // H.L. Roitblat, J.-A. Meyer (eds.). Comparative approaches to cognitive science. Cambridge (Mass.), 1995.
- Butterworth 2003 – G. Butterworth. Pointing is the royal road to language for babies // S. Kita (ed.). Pointing: Where language, culture, and cognition meet. Mahwah (NJ), 2003.
- Calbris 2008 – G. Calbris. From left to right... Coverbal gestures and their symbolic use of space // A. Cienki, C. Müller (eds.). Metaphor and gesture. Amsterdam, 2008.
- Clark 2003 – H.H. Clark. Pointing and placing // S. Kita (ed.). Pointing: Where language, culture, and cognition meet. Mahwah (NJ), 2003.
- Enfield 2001 – N.J. Enfield. 'Lip-pointing': A discussion of form and function with reference to data from Laos // Gesture. 2001. № 1(2).
- Goldin-Meadow, Butcher 2003 – S. Goldin-Meadow, C. Butcher. Pointing toward two-word speech in young children // S. Kita (ed.). Pointing: where language, culture, and cognition meet. Mahwah (NJ), 2003.
- Havil 2003 – J.B. Havil. How to point in Zinacantan // S. Kita (ed.). Pointing: where language, culture, and cognition meet. Mahwah (NJ), 2003.

- Haviland 1993 – *J.B. Haviland*. Anchoring, iconicity, and orientation in Guugu Yimithirr pointing gestures // *Journal of linguistic anthropology*. 1993. № 3(1).
- Kendon 1988 – *A. Kendon*. Sign languages of Aboriginal Australia: Cultural, semiotic and communicative perspectives. Cambridge (Mass.), 1988.
- Kendon 2004 – *A. Kendon*. Gesture: visible action as utterance. Cambridge (Mass.), 2004.
- Kendon, Versante 2003 – *A. Kendon, L. Versante*. Pointing by hand in «Neapolitan» // *S. Kita (ed.). Pointing: where language, culture, and cognition meet*. Mahwah (NJ), 2003.
- Kita 2003 – *S. Kita*. Pointing: A foundational building block of human communication // *S. Kita (ed.). Pointing: where language, culture, and cognition meet*. Mahwah (NJ), 2003.
- Lock et al. 1990 – *A. Lock, A. Young, V. Service, P. Chandler*. Some observations on the origins of the pointing gesture // *V. Volterra, C.J. Erting (eds.). From gesture to language in hearing and deaf children*. Berlin, 1990.
- LREC 2008 – The 6th edition of the Language resources and evaluation conference. Marrakesh, 2008. <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2008/>
- LREC 2010 – The 7th edition of the Language resources and evaluation conference. La Valletta, 2010. <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/>
- LREC 2012 – The 8th edition of the Language resources and evaluation conference. Istanbul, 2012. <http://www.lrec-conf.org/lrec2012/>
- Masataka 2003 – *N. Masataka*. From index-finger extension to index-finger pointing: Ontogenesis of pointing in preverbal infants // *S. Kita (ed.). Pointing: Where language, culture, and cognition meet*. Mahwah (NJ), 2003.
- McNeill 2008 – *D. McNeill*. Unexpected metaphors // *A. Cienki, C. Müller (eds.). Metaphor and gesture*. Amsterdam, 2008.
- McNeill et al. 1993 – *D. McNeill, J. Cassell, E.T. Levy*. Abstract deixis // *Semiotica*. 1993. № 95.
- Müller 2004 – *C. Müller*. The Palm-Up-Open-Hand. A case of a gesture family? // *C. Müller, R. Posner (eds.). The Semantics and pragmatics of everyday gesture. The Berlin conference*. Berlin, 2004.
- Müller 2008 – *C. Müller*. What gestures reveal about the nature of metaphor // *A. Cienki, C. Müller (eds.). Metaphor and gesture*. Amsterdam, 2008.
- Petitto 1997 – *L.A. Petitto*. Ontogenesis of early pointing and language: Evidence from languages where gestures are linguistic // Paper presented at the Max Planck Institute workshop on pointing gestures. Oud-Turnhout, 1997.
- Poggi et al. 2004 – *I. Poggi, F. Cirella, A. Zollo, A. Agostini*. The communicative system of touch. Alphabet, lexicon, and norms of use // *Mind*. 2004. V. 2915.
- Povinelli et al. 2003 – *D.J. Povinelli, J.M. Bering, S. Giambrone*. Chimpanzees' «pointing»: Another error of the argument by analogy? // *S. Kita (ed.). Pointing: Where language, culture, and cognition meet*. Mahwah (NJ), 2003.
- Povinelli, Davis 1994 – *D.J. Povinelli, D.R. Davis*. Differences between chimpanzees (*Pan troglodytes*) and humans (*Homo sapiens*) in the resting state of the index finger: Implications for pointing // *Journal of comparative psychology*. 1994. № 108.
- Ruiter, Wilkins 1998 – *J.P.A. de Ruiter, D.P. Wilkins*. The synchronization of gesture and speech in Dutch and Arrernte // *S. Santi, I. Guañtella, C. Cavé, G. Konopczynski (eds.). Oralité et gestualité: Communication multimodale, interaction*. Paris, 1998.
- Saitz, Cervenka 1972 – *R.L. Saitz, E.J. Cervenka*. Handbook of gestures: Colombia and the United States. The Hague, 1972.
- Sherzer 1973 – *J. Sherzer*. Verbal and non-verbal deixis: The pointed lip gesture among the San Blas Cuna // *Language in society*. 1973. № 2(1).
- Wilkins 2003 – *D.P. Wilkins*. Why pointing with the index finger is not a universal (in sociocultural and semiotic terms) // *S. Kita (ed.). Pointing: Where language, culture, and cognition meet*. Mahwah (NJ), 2003.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Гришина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
rudi2007@yandex.ru